

Святитель
ИОАНН ЗЛАТОУСТ

ТОЛКОВАНИЕ
на
ЕВАНГЕЛИЕ
ОТ
МАТФЕЯ

Святитель Иоанн Златоуст

**Толкование на Евангелие от
Матфея. В двух книгах. Книга II**

«Сибирская Благовонница»

Златоуст С.

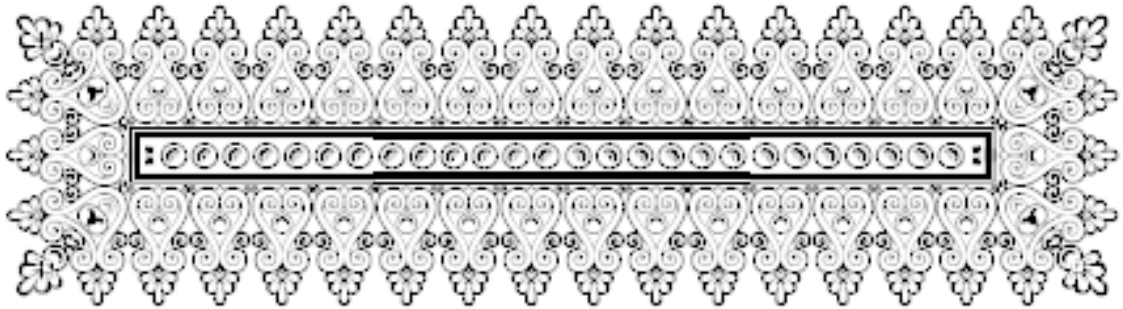
Толкование на Евангелие от Матфея. В двух книгах. Книга II /
С. Златоуст — «Сибирская Благовонница»,

Святитель Иоанн Златоуст – один из величайших отцов Вселенской Церкви. Он оставил нам огромное литературное наследие и литургическое. В своем изъяснении Священного Писания Святитель показывал, как Библия может стать подлинной наставницей человека. Объясняя священные книги, он часто делал отступления на современные ему общественные и моральные темы, постоянно подчеркивая связь сказанного в Ветхом и Новом Завете с духовной жизнью и поступками христианина. Именно это сделало его библейские толкования столь привлекательными как для его современников, так и для всех последующих поколений. Во второй книге собраны его 46 бесед-толкований на Евангелие от Матфея. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Беседа XLV	6
Беседа XLVI	10
Беседа XLVII	15
Беседа XLVIII	20
Беседа XLIX	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**Святитель Иоанн Златоуст
Толкование на Евангелие от Матфея.
В двух книгах. Книга вторая**

Беседа XLV

И приступивше ученицы Его рекоша Ему: почто притчами глаголеши им? Он же отвечава рече им: яко вам дано есть разумети тайны Царствия Небеснаго, онем же не дано есть (Мф. 13, 10–11)

Изъяснение 13, 10–23. Благоразумие учеников. – Благодать не уничтожает свободы. – Иудеи сами были причиною того, что не понимали учения Христова. – Христос хотел их обращения и спасения. – Грех не есть дело природы или необходимости. – Многообразие путей спасения. – Увещание к милостыне и сострадательности к бедным.

1. Достойно удивления, что ученики, несмотря на сильное желание узнать, почему Иисус Христос говорит народу в притчах, разбирают время, когда предложить этот вопрос. Они делают это не при всех, как показал Матфей, говоря: *и приступивше*. А что объяснение мое не есть догадка, это открывает яснее Марк, когда говорит, что ученики приступили к Нему, когда Он был один (см.: Мк. 4, 10). Так надлежало поступить и братьям, и Матери Его: не вызывать Его из дома и не выставлять себя. Заметь также и великую любовь учеников, – как много они заботятся о других и сперва ищут их пользы, а потом уже своей. *Почто*, говорят они, *притчами глаголеши им?* Они не сказали: для чего Ты нам в притчах говоришь? И в других случаях они часто обнаруживают любовь свою ко всем, – например, когда говорят: *отпусти народ* (Лк. 9, 12), и также: *весили, яко соблазнишася?* (Мф. 15, 12). Что же отвечает им Христос? Вам, говорит Он, *дано есть ведати тайны Царствия Небеснаго, он ем же не дано есть*. Он это сказал, не указывая на какую-либо необходимость или на простое и случайное некоторых избрание, но показывая, что слушающие сами причиною всех зол, и вместе желая открыть, что разумение тайн Царствия есть дар благодати, ниспосылаемой свыше. Впрочем, хотя это и дар, однако этим не уничтожается свобода, как видно из последующих слов. А чтобы одни не предались отчаянию, а другие беспечно, слыша, что им дано разуметь тайны Царствия, смотри, как Он показывает и тем и другим, что это первоначально зависит от нас: *Иже бо имать*, говорит Он, *дастся ему, и преизбудет; а Иже не имать, и еже мнится имея возмется от него* (см.: Мф. 13, 12; 25, 29). Хотя эти слова довольно неясны, но они заключают в себе непререкаемую правду. Они означают то, что кто сам желает и старается приобрести дары благодати, тому и Бог дарует все; а в ком нет этого желания и старания, тому не принесет пользы и то, что он имеет, и Бог не сообщит ему даров Своих. *И еже мнится имея*, говорит, *возмется от него*. Это не то значит, что Бог отнимает у него, но что не удостаивает его даров Своих. Так поступаем и мы. Когда видим, что кто-нибудь слушает нас рассеянно и при всех убеждениях наших остается невнимательным, – наконец перестаем говорить, потому что если мы будем настаивать, то беспечность его еще более усилится. Напротив, кто с ревностью слушает учение наше, того мы увлекаем в разговор и многое ему сообщаем. И справедливо сказано: *и еже мнится имея*, – потому что такой человек и этого не имеет. Далее Он объясняет слова Свои, показывая, что значит: *имущему дано будет*, говоря таким образом: *от неимущаго же, и еже мнится имея, возмется от него. Сего ради*, продолжает Он, *в притчах глаголю им, яко видяще не видят* (Мф. 13, 13). Но если они не видали, скажешь, то надлежало им открыть глаза. Да, если бы ослепление это было от природы, то надлежало открыть; но так как ослепление это было произвольное и зависело от свободы, то Он не сказал просто: *не видят*, но: *видяще не видят*, то есть что слепота их происходит от собственного их развращения. Они видели, что Он изгонял бесов, и говорили: *о веельзевуле князе бесовстем изгонит бесы* (Лк. 11, 15). Слышали, что Он приводит их к Богу

и поступает во всем согласно с волею Божественною, – и говорили: *несть Сей от Бога* (Ин. 9, 16). Таким образом, сами они поступали вопреки тому, что видели и что слышали. За это-то, говорит Христос, *Я* и зрение и слух отниму у них. Они не только не получают от этого никакой пользы, но, напротив, подвергаются еще большему осуждению, – потому что они не только не веровали в Него, но и поносили, и обвиняли, и злоумышляли против Него. Об этом последнем Он, впрочем, умалчивает, потому что не хочет быть строгим в обвинении. Сначала Он не притчами говорил им, но просто и ясно. Но так как они стали неохотно слушать Его, то Он наконец стал говорить им притчами. Далее: чтобы кто-либо слова Его не почел одним только упреком и не сказал, что Он укоряет и клеветает на них по вражде, Христос приводит слова пророка, подтверждающие то же самое: *сбывается бое них*, говорит Он, *пророчество Исаиино, глаголющее: слухом услышите, и не иматеразумети; и зрящеузрите, и не имате видети* (Мф. 13, 14). Замечаешь ли, что и пророк обличает их с такою же точностью в выражениях? И он не сказал: *не узрите*, но: *узрите, и не имате видети*; не сказал: *не услышите*, но: *услышите, и не имате разумети*. Итак, они сами были причиною того, что не понимали, заградив слух, закрыв глаза и ожесточив сердце. Они не только не слышали, но и *тяжко слышаша* (Мф. 13, 15). И делали это, говорит Господь, для того, *да не когда обратятся, и исцелю их*, – показывая тем их закоснение во зле и намеренное отвращение от Него.

2. Он говорит это с тем, чтобы привлечь их, возбудить и показать им, что, если они обратятся, Он исцелит их. Подобно тому как у нас говорят: он не хотел видеть меня, и отлично; а если бы он удостоил меня своим посещением, я тотчас оказал бы ему милость, показывая этим средство к примирению, – так точно и здесь говорит Господь: *да не когда обратятся, и исцелю их*, показывая, что они могут и обратиться, и спастись, если раскаются, и что Он делает все не для собственной славы, но для их спасения. Если бы Он не желал, чтобы они слушали Его и спасались, то надлежало бы Ему молчать, а не поучать их в притчах. Но теперь тем самым, что говорит им притчами, возбуждает их. *Бог*, говорится, *не желает смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему* (см.: Иез. 18, 23). Что грех происходит не от природы, не по необходимости и принуждению, послушай, что говорит Христос апостолам: *ваша же блаженна очеса, яко видят, и уши ваши, яко слышат* (Мф. 13, 16), – разумея под этим зрение и слух не чувственные, но умственные. И апостолы были иудеи и воспитаны в том же законе, и, однако, пророчество нимало не повредило им, потому что хорошо был укреплен в них корень добра, то есть разум и воля. Теперь, видишь ли, что слова: *вам дано есть* не означают необходимости? Иначе за что бы называть их блаженными, если бы это доброе дело не зависело от них самих? Не говори того, будто Он учил невразумительно. И иудеи ведь, подобно ученикам, могли приходиться и спрашивать Его. Но они не хотели делать этого по своему нерадению и беспечности. И что я говорю: не хотели? Они даже поступали вопреки Ему: не только не веровали, не только не слушали, но и враждовали против Него, и отвращались от Его учения, в чем Господь и обвиняет их словами пророка: *тяжко слышаша*. Но не таковы были ученики; потому-то и удостоились названия блаженных. Христос и другим образом укрепляет учеников Своих, говоря: *аминь бо глаголю вам, мнози пророцы и праведницы вожделеша видети, яже видите, и не видеша: и слышати, яже слышите, и не слышаша* (Мф. 13, 17), – то есть Мое явление, чудеса, глас и учение. Здесь Он ставит учеников Своих выше не только развращенных иудеев, но и самих праведников, – они и этих последних, говорит, блаженнее. Почему же? Потому, что ученики видят не только то, чего не видали иудеи, но и то, что желали видеть праведники. Последние созерцали только верою, а ученики лицом к лицу, и гораздо яснее. Видишь ли, как Христос опять соединяет Ветхий Завет с Новым, показывая, что ветхозаветные праведники не только знали будущее, но и сильно его желали? А они не могли бы желать, если бы почитали какого-либо бога, чуждого и противного истинному. *Вы же услышите*, говорит Он, *притчу сеющаго*; и говорит затем то, что мы сказали раньше, о беспечности и тщании, о боязни и мужестве, о богатстве и нелюбостыжании, показывая, какой проистекает вред от первых и какая

польза от последних. Потом показывает различные роды добродетели. По милосердию Своему, Он не один только указал путь и не сказал, что тот будет отчужден, кто не принесет сторичного плода; спасется, говорит Он, и тот, кто принесет плод в шестьдесят крат, и даже кто в тридцать. Это для того Он сказал, чтобы облегчить нам путь к спасению. Итак, не можешь переносить трудного состояния девства? вступи в брак и живи целомудренно. Не можешь совершенно расстаться с богатством? Уделяй часть от имения твоего. Для тебя трудно и это бремя? Разделяй с Христом имение твое. Не хочешь отдать Ему всего? Отдай, по крайней мере половину или третью часть. Если Он твой брат и сонаследник на Небесах, то сделай Его сонаследником и здесь. Ему давать – значит себе давать. Не слышишь ли, что говорит пророк: *свойственных племени твоего не презри* (Ис. 58, 7)? Если же не должно презирать сродников, то тем более не должно презирать Господа, Который вместе с правом власти имеет еще право родства с тобою и многие другие права. Он соделал тебя участником Своих благ, не только не получив ничего Сам от тебя, но еще предупредив тебя этим неизреченным благодеянием. Итак, не великое ли безумие получать такие дары и, между тем, самому быть нечувствительным и не воздавать взаимно за благодеяние, и притом меньшим за большее? Он соделал тебя наследником Неба, а ты не хочешь пожертвовать для Него и земным. Он примирил тебя с Богом, несмотря на то, что ты не только не сделал ничего доброго, но даже был врагом, а ты не хочешь воздать другу и благодетелю, тогда как, не говоря о царствии и о всем прочем, ты обязан воздать Ему благодарность за то самое, что можешь дать. Когда рабы приглашают господ на пир, делают это не с тем, чтобы доставить им удовольствие, но чтобы самим получить от них. Между тем здесь напротив, не слуга пригласил своего господина, но Господь призвал слугу к трапезе Своей. А ты не хочешь пригласить Его и после этого? Он Сам первый ввел тебя в дом Свой, а ты не хочешь сделать этого и теперь? Он прикрыл твою наготу, а ты и после этого не хочешь дать Ему приюта, как страннику? Он прежде утолил жажду твою из Своего сосуда, а ты не хочешь дать Ему и капли холодной воды? Он тебя напоил дарами Духа Святого, а ты не хочешь утолить и телесной Его жажды? Он тебя напоил Духом тогда, как ты был достоин наказания, а ты презираешь Его, когда Он жаждет, и это несмотря на то, что ты должен употребить Его же дары?

3. Ужели ты считаешь маловажным держать ту чашу, которую будет подносить к устам и из которой будет пить Христос? Ужели ты не знаешь, что один только священник имеет право предлагать Чашу Крови? Но я на это не смотрю строго, говорит Христос, а принимаю и у тебя. Хотя бы ты был мирянин, Я не отвергну тебя и не требую того, что Я Сам тебе дал. Я требую не крови, но студеной воды. Представь, Кому ты предлагаешь питье; представь – и трепещи. Помысли, что ты сам делаешься священником Христа, когда руками своими подаешь не Тело, не Хлеб, не Кровь, но чашу холодной воды. Он облек тебя одеждою спасения, и облек Сам; и ты сделай то же, хотя чрез раба. Он прославил тебя на Небесах; а ты, по крайней мере, защити Его от страха, наготы и беславия. Он удостоил тебя сожителства с Ангелами; а ты прими Его только под кров твой, – по крайней мере, дай Ему приют, как бы рабу своему. Я не пренебрегаю приютом этим, говорит Христос, хотя Сам Я отверз для тебя целое Небо. Я освободил тебя от тягчайшего плена, но не требую того же от тебя и не говорю: освободи Меня; для Моего утешения довольно, если ты только обратишь на Меня внимание, когда Я нахожусь в узах. Я воскресил тебя из мертвых-и не требую, чтоб и ты сделал то же; но говорю: посети Меня только во время Моей болезни. Итак, каких адских мучений не достойны мы, ежели при столь великих благодеяниях, изливаемых на нас, и при столь легких требованиях от нас не исполняем и последних? Будучи бесчувственнее камня, мы по всей справедливости пойдем в огонь, уготованный диаволу и Ангелам его. Скажи мне: какая бесчувственность с нашей стороны, когда мы, получая столь великие дары и столь великие имея в виду, остаемся рабами богатства, с которым скоро, может быть, против воли своей должны будем расстаться? Тогда как другие пожертвовали жизнью и пролили кровь свою, ты для Небесного Царствия и столь великой славы не хочешь пожертвовать даже своими избытками. Какое ты заслужишь прощение, какое

получишь оправдание, если ты при засеве поля охотно вверяешь земле все семена и, давая взаем людям, ничего не жалеешь, а к бедным остаешься так жесток и бесчеловечен, к бедным, в лице коих ты питаешь Самого Господа? Итак, зная, что мы получили, что надеемся получить, и то, что требуется с нашей стороны, и размышляя о всем этом, покажем всякое рвение к делам духовным. Будем снисходительны и милосерды, чтобы нам не подвергнуться тяжкому наказанию. Если мы пользуемся столь многими и великими дарами, если так немного требуется с нашей стороны, и притом если требуется то, с чем мы должны расстаться здесь невольно, если так сильно привязаны к вещам временным, – то не послужит ли все это к нашему обвинению? Каждое из этих обстоятельств уже само по себе может осудить нас. Где же надежда спасения, если все это соединится вместе? Итак, чтобы не подпасть совершенному осуждению, будем сострадательны к бедным. Чрез это мы сделаемся достойными благ как здесь, так и там, коих и да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа XLVI

Ину притчу предложи им, глаголя: уподобися Царствие Небесное человеку, сеявшу доброе семя на селе своем. Спящим же человеком, прииде враг его, и всея плевелы посреде пшеницы, и отъиде. Егда же прозябе трава, и плод сотвори, тогда явишася и плевелие. Пришедше же раби господина, реша ему: господи, не доброе ли семя сеял еси на селе твоём? Откуда убо имать плевелы? Он же рече им: враг человек сие сотвори. Раби же реша ему: хоцещи ли убо, да шедше исплевем я? Он же рече (им): ни; да не когда восторгающе плевелы, восторгаете купно с ними (и) пшеницу. Оставьте расти обое купно до жатвы (Мф. 13, 24–30)

Изъяснение 13, 24–33. Отличие притчи от предыдущей. – Дьявол придает заблуждению подобие истины. – Необходимость постоянного бодрствования. – Не должно убивать еретиков; не запрещается их обуздывать. Действие и сила апостольской проповеди. – Не чудотворения, а добродетели соделали великими апостолов и других святых. – Благодать чудотворений и привлекается добродетельною жизнью, и дается для исправления других. – В чем состоит истинно добрая жизнь.

1. Какая разность между этой притчею и предыдущею? Там Спаситель говорил о людях, которые без внимания Его слушали, а отойдя, и самое семя бросили; здесь же разумеет еретические сонмища.

Чтобы ученики не смущались и этим, Христос, после того как объяснил им, для чего говорит притчами, предсказывает и об еретиках. Первая притча показывала, что слово Его не принято; а вторую даетя знать, что вместе со словом приняты и вредящие слову. Таково одно из ухищрений диавола, что он к самой истине всегда примешивает заблуждение, прикрашивая его разными подобиями истины, чтобы тем легче обмануть легковверных. Вот почему и Господь называет посеянное врагом не другим каким семенем, а плевелами, которые с виду походят несколько на пшеницу. Далее объясняет способ злоумышления: *спящим*, говорит, *человеком*. Не малою опасностью угрожает Он здесь начальникам, которым преимущественно вверено хранение нивы, – впрочем, не одним начальникам, но и подначальным. Данными словами Он показывает и то, что заблуждение приходит после истины, как о том свидетельствует и действительный опыт. В самом деле, после пророков – лжепророки, после апостолов – лжеапостолы, после Христа – антихрист. Да и диавол, пока не видит, к чему можно подделаться или над кем ухитриться, ничего не начинает, даже не знает, как приступить к делу. Так и теперь, приметив уже, что *ов сотвори сто, ов шестьдесят, ов тридесять*, он избирает для себя новый путь. Так как он не мог ни похитить укоренившегося, ни заглушить, ни пожечь, то вымышляет другого рода обман, именно – всевает собственные семена. Но чем же, скажешь, спящие отличаются от уподобленных пути? Тем, что там диавол похитил посеянное мгновенно, не дал ему даже и укорениться; а здесь ему потребовалось для обольщения больше хитрости. Указывая на это, Христос научает нас непрестанно бодрствовать. Пусть, говорит Он, ты избег прежних бед; но тебе предстоит новая. Как там бывает гибель от пути, камней и терний, так здесь – от сна. Нужно, следовательно, постоянно быть на страже. Потому-то и сказал Он: *претерпевый же до конца, той спасен будет* (Мф. 10, 22). Нечто подобное случилось в начале христианства. Многие предстоятели Церкви, вводя в них людей лукавых, скрытных ересеначальников, тем

самым открыли диаволу легкий путь для совершения своих козней. После того как он всеял такие плевелы, ему нечего было уже и трудиться. Но как, скажешь, возможно пробыть без сна? Без сна естественного – невозможно, а без сна произвольного – возможно. Потому и Павел сказал: *бодрствуйте, стойте в вере* (1 Кор. 16, 13). Далее Господь показывает, что дело диавола есть не только вредное, но и излишнее, потому что он сеет после того, как нива уже возделана и все работы кончены. Так поступают и еретики, которые единственно только по тщеславию впускают свой яд. И не в этих только, но и в последующих словах Господь продолжает с точностью описывать поведение еретиков. *Егда же прозябе трава*, говорит Он, *и плод сотвори, тогда явившася и плевелше*. Так действуют и еретики. Сначала они себя прикрывают; когда же приобретут смелость и получают полную свободу слова, тогда и изливают яд. А для чего Господь вводит рабов, рассказывающих о случившемся? Чтобы иметь случай сказать, что не должно убивать еретиков. Диавола же именует *враг человек* потому, что он вредит людям. Он желает вредить нам, хотя это желание произошло не от вражды на нас, а от вражды на Бога. Отсюда ясно, что Бог любит нас больше, нежели мы сами себя. Посмотри и с другой стороны, какова злоба диавола. Он не сеял прежде, потому что нечего было погубить. Но когда уже все засеяно, сеет и он, чтобы испортить стоившее многих трудов земледельцу. Столь сильную вражду обнаружил во всем против Него диавол! Заметь также усердие слуг: они сейчас же готовы выдергать плевелы, хотя поступают не совсем осмотрительно. Это показывает их заботливость о посеянном; они имеют в виду не то, чтобы был наказан всеявший плевелы, а единственно то, чтобы не погибло посеянное господином; в первом не было нужды, а потому и придумывают средство, как бы только истребить болезнь. Впрочем, избравши средство, они не осмеливаются сами собою привести его в исполнение; но ожидают приговора от господина, спрашивая его: *хощеши ли?* Что же отвечает им господин? Запрещает, говоря: *да не когда восторгнете с ними купно пшеницу*. Этими словами Христос запрещает войны, кровопролития и убийства. И еретика убивать не должно, иначе это даст повод к непримиримой войне во вселенной.

2. Итак, Он останавливает их в исполнении предпринятого намерения, по следующим двум причинам: во-первых, для того, чтобы не повредить пшеницу; а во вторых, потому что все неисцельно зараженные сами по себе подвергнутся наказанию. Поэтому, если хочешь, чтобы они были наказаны, и притом без повреждения пшеницы, то ожидай определенного к тому времени. Но что разумел Господь, сказав: *да не восторгнете с ними купно пшеницу?* Или то, что принявшись за оружие и убивая еретиков, неминуемо истребите с ними многих святых; или то, что многие из этих самых плевел могут перемениться и сделаться пшеницею. Следовательно, если вы, говорит Он, искорените их преждевременного, лишив жизни людей, которым было еще время перемениться и исправиться, истребите то, что могло бы стать пшеницею. Итак, Господь не запрещает обуздывать еретиков, заграждать им уста, сдерживать их дерзость, нарушать их сходбища и заговоры; но запрещает их истреблять и убивать. И замечай, какова кротость Господа: Он не просто объявляет приговор Свой, не просто повелевает, но излагает вместе и причины. Что же будет, если плевелы соблюдутся до конца? Тогда *реку жателем: соберите первее плевелы, и свяжите их в снопы, яко сожжешия*. Опять приводит на память ученикам слова Иоанновы, в которых Он изображен Судиею, и вразумляет, что должно щадить плевелы, доколе они растут подле пшеницы, потому что для них возможно еще стать пшеницею. Если же еретик случится умереть без всякого плода, то необходимо постигнет его неизбежное наказание. *Реку жателем*, говорит Господь, *соберите первее плевелы*. Для чего же *первее?* Чтобы ученикам не подать случая к опасению, что вместе с плевелами выдергана будет пшеница. *И свяжите их в снопы, яко сожжеши я; а пшеницу соберите в житницу*. *Ину притчу предложи им, глаголя: подобно есть Царствие Небесное зерну горушиичну* (Мф. 13, 30–31)). Так как Господь сказал, что три части посеянного погибает, а одна спасается, да и в самой спасаемой бывает великое повреждение, то, предупреждая вопрос учеников: кто же и в каком числе будут верные, уничтожает их страх, обращая их к вере притчею о зерне горчичном, в

которой показывает, что проповедь распространится повсюду. Поэтому-то и предлагает весьма подходящий к предмету речи образ горчичного зерна. *Еже малейшее убо есть от всех семян*, говорит Он, *егда же возрастет, более всех зелий есть, и бывает древо, яко приити птицам небесным и витати на ветвех его* (Мф. 13, 32). Этим Господь хотел показать образ распространения проповеди. Точно то же самое, говорит Он, будет и с проповедью. Хотя ученики Его были всех бессильнее, всех униженнее, но так как сила, в них сокровенная, была велика, то она распростерлась по всей вселенной. Далее к этому образу Господь присовокупил еще подобие закваски, говоря: *подобно есть Царствие Небесное квасу, егоже вземши жена скры в сатех трех муки, дондеже вскислоша вся* (Мф. 13, 33). Как закваска над большим количеством муки производит то, что муке усваивается сила закваски, так и вы преобразуете целый мир. Обрати внимание на смысл: Господь избирает для образа то, что бывает в природе, чтобы показать, что слово Его так же непреложно, как и видимое в природе происходит по необходимым законам. Не говори мне: что сможем сделать мы, двенадцать человек, вступив в среду такого множества людей? В том самом и обнаружится яснее ваша сила, что вы, вмешанные во множество, не предадитесь бегству. Как закваска тогда только заквашивает тесто, когда бывает в соприкосновении с мукою, и не только прикасается, но даже смешивается с нею (потому и не сказано: положи, но: *скры*), так и вы, когда вступите в неразрывную связь и единение со врагами своими, тогда их и преодолете. И как закваска, будучи засыпана мукою, в ней не теряется, но в скором времени всему смешению сообщает собственное свойство, так точно произойдет и с проповедью. Итак, не страшитесь, что *Я* сказал о многих напастях: и при них вы просияете и всех преодолете. Под тремя же *сатами* Господь понимает здесь многие саты, так как число это обыкновенно употребляет для означения множества. Не дивись также и тому, что, беседуя о Царстве, Он упоминает о зерне и закваске. Он беседовал с людьми неискусными и малоучеными, которых к высокому надлежало возводить посредством низких предметов и которые были так просты, что при всем том имели еще нужду во многих пояснениях. Итак, где сыны эллинские? Да уразумеют силу Христову, имея пред очами истину событий! Да поклонятся Господу, и как предрекшему такое дело, и как совершившему его! Он один вложил силу в закваску. Для того Он и верующих в Него вмешал во множество, чтобы мы передавали другим свое разумение. Итак, пусть никто не жалуется на скудость: велика сила проповеди; однажды вскиснувшее само делается закваскою для прочего. Как искра, когда коснется дров, зажженное ею делает новым источником огня и таким образом простирается дальше и дальше, – так и проповедь. Но Господь сказал не об огне, а о закваске. Почему же? Потому что там не все зависит от огня, но многое и от зажженных дров; здесь же закваска все производит сама собою. Если же двенадцать человек заквасили целую вселенную, то размысли, как мы худы, когда, несмотря на всю свою многочисленность, не может исправить оставшихся, мы, которых по надлежащему было бы довольно стать закваскою для тысячи миров!

3. Но то, скажешь, были апостолы. Что же из того? Не находились ли они в одинаковых с тобою обстоятельствах? Не в обществах ли жили? Нету же ли несли участь, не занимались ли ремеслами? Разве Ангелы они были? Разве с Неба сошли? Но, скажешь, они имели дар чудотворения. Но не по чудо-творениям они сделались сами чудными. И долго ли эти чудеса будут служить для нас прикрытием нашего нерадения? Посмотри на целый сонм святых, просиявших не чудесами. Многие изгоняли даже бесов, но потому, что творили беззаконие, не только не сделались чудными, но еще подверглись и наказанию. Что же такое, спросишь, соделало апостолов великими? Пренебрежение богатства, презрение славы, свобода от житейских попечений. Если бы не имели они этого, но оставались рабами страстей, то хотя бы и тьмы мертвецов воскресили, не только бы не принесли никакой пользы, но сочтены были бы еще и обманщиками. Итак, одна жизнь блистает всюду; ею только привлекается и благодать Духа. Какое знамение сотворил Иоанн, привлечший к себе многие города? Что он не чудодействовал, о том послушай Евангелиста, говорящего: *яко Иоанн убо знамения не сотвори ни единого*

(Ин. 10, 41). Отчего и Илия соделался чудным? Не от дерзновения ли пред царем? Не от ревности ли по Боге? Не от нищеты ли, не от милоти ли, пещеры и гор? Чудеса сотворены им уже после всех этих подвигов. Чудом ли каким Иов изумил диавола? Никаких чудес не творил он, а показал блистательную жизнь и терпение, тверже адаманта. Какое знамение сотворил Давид, находясь еще в юности, когда Бог сказал о нем: *обретох Давида, сына Иессеева, мужа по сердцу Моему* (Деян. 13, 22)? И Авраам, Исаак, Иаков воскресили ли кого из мертвых? Очистили ли кого от проказы? Знаешь ли, что дар чудотворения, при нашей беспечности, может часто даже вредить? Так многие из коринфян впали в расколы; многие из римлян возгордились; Симон извержен, и пожелавший идти за Христом оказался недостойным, услышав, что *лиси язвыны имут, и птицы небесныя гнезда* (Лк. 9, 58). Все они, желая себе от чудотворения или денег, или славы, отпали и погибли. Но ревностная жизнь и любовь к добродетели не только не рожают такого желания, но, если бы оно и было, истребляют его. И что говорил Христос, когда изрекал законы ученикам Своим? Сказал ли: творите чудеса, чтобы видели человеки? Совсем нет! Так что же? Да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже на небесех (Мф. 5, 16). И Петру не сказал: если любишь Меня, то твори чудеса; но: *паси овцы Моя* (Ин. 21, 17). И если его с Иаковом и Иоанном Господь всегда предпочитал прочим апостолам, то, скажи мне, за что такое предпочтение? За чудеса ли? Но все они одинаково очищали прокаженных, воскрешали мертвых; всем равно Господь дал всякую власть. В чем же было их преимущество? В душевной доблести. Итак, видишь, везде потребна жизнь и явление дел. *От плод бо их*, говорит Господь, *познаете их* (Мф. 7, 16).

4. Что же составляет жизнь нашу? Явление ли чудес или заботливость о благоустройстве поведения? Очевидно, что последнее. Чудотворения же и начало отсюда заимствуют, и конец свой здесь же имеют. Кто ведет превосходную жизнь, тот привлекает к себе и благодать чудотворения. А приемлющий благодать приемлет для того, чтобы исправлять жизнь других. И Христос творил чудеса Свои для того, чтобы, чрез них являсь достойным веры и привлекая к Себе людей, ввести в мир добродетель.

Об этом-то преимущественно Он и заботится. Вот почему Он и не довольствуется одними чудесами, но то угрожает геенною, то обещает Царствие, то предписывает чудные Свои законы и употребляет все способы к тому, чтобы соделать нас равными Ангелам. Но что говорить о Христе? Он ли один все творит с такою целью? Скажи мне сам ты: если бы дали тебе на выбор – или воскрешать мертвых во имя Его, или умереть за имя Его, что бы ты охотнее избрал? Не последнее ли без всякого сомнения? Но первое было бы чудо, а последнее есть дело. И если бы предложили тебе – или траву превращать в золото, или иметь такую силу воли, чтобы всякое богатство попирашь, как траву, не избрал ли бы ты скорее последнее? И весьма справедливо. Таким выбором ты больше привлечешь к себе людей. Увидев траву, превращаемую в золото, они сами пожелают иметь такую же силу, подобно Симону; а чрез то увеличится их любостыжательность. Напротив, если бы видели, что все попирают и презирают золото, как траву, то давно бы избавились от этой болезни.

Итак, видишь ли, что жизнь может приносить больше пользы? Жизнью же называю не то, когда ты постишься, когда подстилаешь вретиче и пепел, но то, когда ты пренебрегаешь богатством, как пренебрегать им должно, когда избыточествуешь в любви, даешь хлеб свой алчущему, сдерживаешь гнев, отвергаешь тщеславие, истребляешь в себе зависть. Такой урок преподан нам от Христа. *Научитесь*, говорит Он, *от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29). Не говорит: *Я постился*, – хотя бы мог упомянуть о сорокадневном посте; но, умалчивая об этом, указывает только, *яко кроток есмь и смирен сердцем*. И опять, посылая учеников, не сказал: поститесь; но: *ядите предлагаемое вам* (Лк. 10, 8). Между тем требует, чтобы они всячески береглись любостыжания, говоря: *не стяжите злата, ни сребра, ни меди при поясах ваших* (Мф. 10, 9). Говорю это не в охудение поста: да не будет того! Напротив, весьма одобряю пост. Скорблю только, когда вы, презрев все прочие добродетели, достаточ-

ною для вашего спасения почитаете ту, которая занимает последнее место в лике добродетелей. Важнейшие же из них: любовь, кротость и милостыня, превосходящая даже девство. Итак, если хочешь сделаться равным апостолам, – ничто не препятствует. Довольно для тебя выполнить одну только добродетель милостыни, чтобы ни в чем не быть скуднее апостолов. Никто поэтому не должен откладывать подвигов в добродетели до получения дара чудотворения. Если демон мучится, когда его изгонят из тела, то гораздо больше мучится, когда видит душу, освобожденную от греха. Подлинно, грех есть главная сила демонская; по причине греха умер Христос, чтобы разрушить его; грехом введена смерть; чрез грех все превращено. Если ты истребил в себе грех, ты подрезал жилы диаволу, стер главу его, разрушил всю его силу, рассыпал воинство, сотворил чудо, всех чудес большее. Не мое это слово, но блаженного Павла, который, сказав: *ревнуйте дарований больших, и еще по превосхождению путь вам показую* (1 Кор. 12, 31), представляет не дар чудотворений, но любовь – корень всякого добра. Итак, если мы будем упражняться в любви и в прочем любомудрии, на ней основанном, то не будем иметь никакой нужды в чудотворениях; напротив, если не будем упражняться в любви, то не получим никакой пользы от чудотворений. Помышляя о всем этом, поревнуем тому, чрез что апостолы соделались великими. А хочешь ли знать, чрез что они соделались великими? Послушай Петра, говорящего: *се, мы оставихом вся, и вслед Тебе идохом; что убо будет нам?* (Мф. 19, 27) Послушай также и Христа, отвечающего ученикам: *сядете на двоионадесяти престолах. И всяк, Иже оставит дом, или братию, или отца, или мать, сторицею примет в вещь сем, и живот вечный наследит* (Мф. 19, 28–29). Итак, удалив от себя все житейские попечения, посвятим себя Христу, чтобы нам и соделаться равными апостолам по определению Его, и сподобиться вечной жизни, которую да получим все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа XLVII

Сия вся глагола Иисус в притчах народом, и без притчи ничесоже глаголаше к ним. Яко да сбудется реченное пророком, глаголющим: отверзу в притчах уста Моя, отрыгну сокровенная от сложения мира (Мф. 13, 34–35)

Изъяснение 13, 34–52. Для чего Христос учил в притчах. – Не должно понимать притчей буквально. – Важность и многоценность проповеди. – Отречение от всего житейского есть не потеря, а приобретение. – Одной веры не довольно для спасения. – Вред нерадения о чтении Писания. – Глава и члены добродетели. – Евангелист Матфей как пример добродетели. – Без милостыни невозможно спасение. – Превосходство души произвольно-убогого над душою богатого.

1. Евангелист Марк говорит, что Христос проповедовал им слово в притчах, *якоже можяху слышати* (Мк. 4, 33). Но Евангелист Матфей, чтобы показать, что проповедовать в притчах не есть что-либо новое, приводит пророка, которым предсказан этот способ учения, и вместе, чтобы открыть нам намерение Христова, с каким Он беседовал в притчах, именно – не то, чтобы оставить слушателей в неведении, но то, чтобы возбудить их к вопросам, – присовокупляет: *и без притчи ничесоже глаголаше к ним*. Хотя Христос о многом говорил без притчи, но в настоящем случае без притчи Он ничего не говорил. И однако же, никто не вопрошал Его, – хотя часто вопрошали пророков, как то: Иезекииля и многих других. Теперь не предложили Ему ни одного вопроса, хотя сказанного достаточно было к тому, чтобы озаботить слушателей и побудить к вопросам. Даже угроза величайшим наказанием, высказанная в притчах, не произвела на слушателей никакого впечатления. Вот почему Господь оставил их и ушел. *Тогда*, говорит Евангелист, *оставль народы, прииде в дом свой Иисус* (Мф. 13, 36). И ни один из книжников не следует за Ним. Отсюда видно, что они следовали за Христом единственно с намерением уловить Его в слове. Но так как теперь они не понимали того, что было говорено, то Господь оставил их. И приступают ученики Его с вопросом о притче плевел (см.: Мф. 13, 36). Доселе хотя они и желали узнать, но боялись спрашивать. Откуда же теперь явилась у них смелость? Они слышали: *яко вам дано есть разумети тайны Царствия Небеснаго* (Мф. 13, 11), и осмелились. Потому и спрашивают наедине, не из зависти к народу, но исполняя закон Владыки, Который сказал: *он ем же не дано есть*. Но почему, оставив притчу о закваске и о горчичном семени, они спрашивают именно о притче плевел? Те притчи оставлены ими, как вразумительнейшие. Изъяснение же этой притчи желают слышать потому, что она имеет близкое отношение к сказанной перед нею, причем намекает на нечто большее, чем прежняя (Христос не сказал бы одной и той же притчи дважды). Они видели уже, что в последней притче заключается великая угроза. Потому и Господь не только не укоряет их, но и пополняет сказанное прежде. И о чем неоднократно замечал я, что притчей не должно принимать буквально, – иначе можно прийти ко многим несообразностям, – тому же самому и Господь научает теперь нас, в изъяснении притчи отступая от буквы. Он не говорит, кто таковы пришедшие к господину рабы. Но, давая разуметь, что они введены только для сообразности и полноты изображения, опускает эту часть притчи и изъясняет только нужнейшее и самое существенное – то самое, для чего притча произнесена, – дабы показать, именно, что Он есть Судия и Господь вселенной. *И отвещав*, говорит Евангелист, *рече им: сеявый доброе семя, есть Сын Человече-*

ский. А село, есть мир; доброе же семя, сии суть сынове Царствия; а плевелы, сынове неприязненнии. А враг всеявый их, есть диавол; а жатва, кончина века есть; а жатели, Ангели суть. Яко убо собирают плевелы, и огнем сожигают, тако будет в скончание века сего. Послет Сын Человеческий Ангелы Своя, и соберут от Царствия Его вся соблазны, и творящих беззаконие. И ввергнут их в печь огненну; ту будет плач и скрежет зубом. Тогда праведницы просветятся яко солнце, в Царствии Отца их (Мф. 13, 37–43). Итак, если Сам Он есть Сеятель, сеет на собственном поле и с Своего Царства собирает, то ясно, что настоящий мир Ему принадлежит. Размысли же, как неизреченно Его человеколюбие, как Он готов благотворить и как далек от того, чтобы наказывать! Когда сеет, то сеет Сам; когда же наказывает, то наказывает чрез других, именно чрез Ангелов. Тогда праведницы просветятся яко солнце, В Царствии Отца их. Это не значит, что они будут светиться, точно как солнце. Но так как мы не знаем другого светила, которое было бы блистательнее солнца, то Господь употребляет образы для нас известные. В других местах Христос говорит, что жатва уже наступила; так, например, когда говорит о самарянах: *возведите очи ваши и видите нивы, яко плавы суть к жатве уже* (Ин. 4, 35). И еще: *жатва убо многа, делателей же мало* (Лк. 10, 2). Итак, почему же сказал Он там, что жатва уже наступила, а здесь говорит, что жатва еще будет? Потому, что слово *жатва* берет в разных значениях. Почему также, сказавши в другом месте: *ин есть сеяй, и ин есть жнй* (Ин. 4, 37), здесь говорит, что сеющий есть Сам Он? Потому, что там, говоря пред иудеями и самарянами, противопоставляет апостолов не Себе, но пророкам, так как Он сеял и чрез пророков. Точно так же иногда одно и то же Он называет и жатвою и сеянием, принимая эти слова в разных отношениях.

2. Когда Он понимает благопокорность и послушливость слушателей, тогда, как окончивший свое дело, называет это жатвою. Когда же ожидает еще только плода от слышания, тогда именует это сеянием, а кончину – жатвою. А как в другом месте сказано, что праведники восхищены будут первые (1 Фес. 4, 16)? Точно, они первые восхищены будут в пришествие Христово. Но сперва грешные преданы будут наказанию, а потом уже праведные внидут в Царство Небесное. Праведникам точно надлежит быть на Небе, и Господь придет на землю, будет судить всех людей, произнесет над ними приговор; потом, подобно некоему царю, восставши с Своими друзьями, поведет их в блаженное наследие. Видишь ли, что наказание будет сугубое: должны будут гореть – и видеть себя отчужденными от славы? Но для чего же наконец, когда народ разошелся, и с апостолами Христос беседует в притчах? Для того, что они, будучи вздумлены сказанным прежде, могли уже понимать притчи. Потому-то, когда по произнесении притчей Он спрашивает их: *разумеете ли сия вся?* – они отвечают: *ей, Господи!* (Мф. 13, 51) Таким образом, притча, кроме прочего, произвела и то, что апостолов соделала проникательными. Что же Господь говорит далее? Подобно есть Царствие Небесное сокровищу сокровену на селе, еже обрет человек скры: и от радости его вся, елика имать, продает, и купует село то. Паки подобно есть Царствие Небесное человеку купшу, ищущу добрых бисерей, Иже обрет един многоценен бисер, шед продаде вся, елика имяше и купи его (Мф. 13, 44–46). Как выше горчичное зерно и закваска имеют малую разность между собою, так и здесь сходны две притчи о сокровище и о бисере. Обеими этими притчами показывается то, что проповедь должно всему предпочитать. В притчах о закваске и о горчичном зерне говорится о могуществе проповеди и о том, что она совершенно победит вселенную. Настоящие же притчи показывают важность и многоценность проповеди. Подлинно, она расширяется, подобно горчичному дереву, превозмогает, подобно закваске, многоценна как бисер и доставляет бесчисленные удобства, подобно сокровищу.

Отсюда мы научаемся тому, что надобно не только прилежать к проповеди, отрешившись от всего прочего, но что даже должно это делать с радостью. И отрекающийся от своего имени должен знать, что это есть приобретение, а не потеря. Видишь ли, и как проповедь сокрыта в мире, и сколько в проповеди сокрыто благ? Если не продашь всего, то не купишь;

и если не имеешь ищущей и заботливой души, то не найдешь. Итак, для тебя необходимо, во-первых, отказаться от житейских попечений и, во-вторых, быть весьма бдительным. Сказано: *ищущу добрых бы – серей, Иже обрет един многоценен бисер, продаде вся и купи его*. Одна есть истина, – и она не многосложна. Как обладающий бисером сам знает, что он богат, но для других часто бывает неизвестно, что у него в руках бисер, потому что он не велик, – так можно сказать и о проповеди: обладающие ею знают, что они богаты, но неверующие, не понимая цены этого сокровища, не знают о нашем богатстве. Но чтобы мы не слишком полагались на одну проповедь и чтобы не подумали, что одной веры достаточно нам ко спасению, Господь производит новую грозную притчу. Какую же именно? Притчу о неводе. *Подобно есть Царствие Небесное неводу, ввержену в море, и от всякого рода собравшу. Иже егда исполнися, извлекоша и на край, и седше избраша добрыя в сосуды, а злыя извергоша вон* (Мф. 13, 47–48). Чем различается эта притча от притчи о плевелах? И там одни спасаются, а другие погибают. Но там одни погибают от принятия вредных учений, а другие, о которых сказано выше, от невнимания к слову (Божию); здесь же причиной гибели бывает порочная жизнь. Так погибающие всех несчастнее: они и познание приобрели, и уловлены были, но при всем том не могли спастись. В других местах говорится, что отделяет Сам Пастырь; здесь же приписывается это Ангелам, как и в притче о плевелах. Что же это значит? То, что Господь беседует с учениками иногда менее, а иногда более возвышенно. И эту притчу изъясняет Он не по просьбе учеников, а по собственному изволению; притом истолковал одну часть ее и тем увеличил страх. Чтобы ты, слыша, что злых извергли только вон, не почел такой гибели еще не опасною, Христос в изъяснении указывает образ наказания, говоря, что *ввергнут в пещь*, где будет скрежет зубов и несказанное мучение. Видишь ли, сколько путей к гибели? Камень, терния, путь, плевелы, невод. Итак, не напрасно сказано, что *широкий есть путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящии им* (Мф. 7, 13). После того Господь, заключив речь Свою угрозою и присовокупив многое тому подобное (потому что Он особенно занялся этим предметом), спрашивает апостолов: *разумеете ли сия вся?* Глаголаша Ему: ей Господи! (ст. 51). И за такую понятливость снова восхваляет их, говоря: *сего ради всяк книжник, научився Царствию Небесному, подобен есть человеку домовиту, Иже износит от сокровища своего новая и ветхая* (Мф. 13, 52). Подобно этому сказал Он и в другом месте: *послю к вам премудры и книжники* (Мф. 23, 34).

3. Видишь ли, что Христос не исключает Ветхий Завет, но хвалит и превозносит, называя его сокровищем? Итак, несведующие в Божественных Писаниях не могут быть названы людьми домовитыми: они и сами у себя ничего не имеют, и от других не заимствуются, но, томясь голодом, нерадят о себе. Впрочем, не они только, но и еретики лишены этого блаженства, потому что из сокровища своего не выносят ни старого, ни нового. У них даже нет старого, а потому нет и нового. Равно не имеющие нового не имеют и старого, но лишены и того и другого, потому что новое и старое соединено и связано между собою. Итак, все мы, нерадящие о чтении Писаний, послушаем, какой терпим от этого вред и какую скудность. В самом деле, когда мы приведем в благоустройство дела свои, если не знаем тех самых законов, по которым должно приводить их в благоустройство? Богачи, влюбленные до безумия в богатство, часто выколачивают свои одежды, чтобы их не подъела моль. Аты, видя в себе забвение, губительнее моли, повреждающее твою душу, не прибегаешь к Писанию, не истребляешь в себе язвы, не украшаешь своей души, не вглядываешься пристально в образ добродетели, не рассматриваешь членов и ее главы. И действительно, добродетель имеет и главу и члены, благолепнейшие всякого стройного и красивого тела. Что такое, спросишь, глава добродетели? Смиренномудрие. Потому и Христос начинает со смиренномудрия, говоря: *блаженниишии* (Мф. 5, 3). Вот глава добродетели! Она не имеет ни волос, ни кудрей, но так прекрасна, что привлекает Самого Бога. *На кого воззрю*, говорит Он, *только на кроткаго и смиреннаго и трепещущаго словес Моих* (Ис. 66, 2)? И еще: *они Мои на кроткия земли* (см.: Пс. 75, 10; 100, 6). И еще: *близ Господь сокрушенных сердцем* (Пс. 33, 19). Глава эта, вместо волос и косы, приносит жертвы,

благоприятные Богу: Она – золотой жертвенник и духовный алтарь. *Жертва Богу дух сокрушен* (Пс. 50, 19). Она – мать премудрости. Кто ее имеет, тот и все прочее иметь будет. Итак, видишь ли главу, какой ты никогда еще не видывал? Хочешь ли видеть или, лучше, узнать и лицо добродетели? Всмотрись же сперва в его румяный, красивый и весьма приятный цвет, а потом узнай, от чего последний происходит. От чего же именно? От того, что добродетель стыда ива и всегда краснеет. Потому и сказал некто: *прежде стыдливаго предваряет благодать* (Сир. 32, 12). Это сообщает большую красоту и всем прочим членам. И хотя бы ты смешал тысячи цветов, все не произведешь такой лепоты. Если хочешь видеть и глаза добродетели, то посмотри: они тщательно очертаны скромностью и целомудрием. Оттого-то они так прекрасны и проницательны, что видят Самого Господа. *Блажени чистиши сердцем*, говорит Он, *яко тиши Бога узрят* (Мф. 5, 8). Уста же добродетели суть премудрость, и разум, и знание духовных песнопений. Сердце ее есть глубокое ведение Писаний, соблюдение истинных догматов, человеколюбие и добродушие. И как без сердца невозможно жить, так без исчисленного теперь невозможно спастись. Отсюда рождается все доброе. У добродетели есть также свои руки и ноги – явление добрых дел. Есть у нее и душа – благочестие. Есть у нее золотая и тверже адманта грудь – мужество. Легче все одолеть, чем сокрушить эту грудь. Наконец, дух, пребывающий в мозгу и в сердце, – любовь.

4. Хочешь ли, покажу тебе образ добродетели и в самых делах? Представь этого самого Евангелиста (Матфея). Хотя мы и не имеем полного описания жизни его, однако и в немногом можно видеть блистательное его изображение. Что он был смирен и сокрушен сердцем, о том слышишь от него самого, когда он в Евангелии называет себя мытарем. Что он был милостив, заключай из того, что отвергся всего и последовал за Иисусом. Что он был благочестив, это явно из учений его. И по написанному им Евангелию не трудно также судить о разуме его и о любви, потому что трудился для целого мира. Доказательством добрых дел его служит престол, на котором он имеет воссесть. Мужество же видно из того, что от лица синедриона он возвратился радуясь. Итак, поревнуем такой добродетели, особенно же смиренномудрию и милостыне, без которых невозможно спастись. Доказательство тому-пять дев, равно как и фарисей. Без девства можно видеть Царствие; а без милостыни никакой нет к тому возможности. Милостыня всего нужнее, в ней все заключается. Потому-то мы не без причины назвали ее сердцем добродетели. Но и самое сердце скоро умирает, если не сообщает всему духа; подобно как загнивает источник, если нет из него постоянного стока. То же случается и с богатыми, когда они удерживают у себя свое имущество. Потому-то вошло и в общую поговорку: много добра гниет у такого-то; напротив, не говорим, что у него большее изобилие, несметное сокровище. И обладающие богатством, и самое богатство подвержены гниению. Одежды лежат ветшают, золото ржавеет, пшеницу изъедают черви. Душа же обладающего всем этим больше всего ржавеет и сгнивает от забот. И если хочешь вывести на позор еще душу сребролюбца, то найдешь, что она, подобно одежде, которая изъедена тысячами червей и на которой не осталось целого места, вся также источена заботами, сгнила и проржавела от грехов. Не такова душа убогого, убогого произвольно. Она сияет как золото, блестит как жемчужина, цветет как роза. К ней не прикасается ни моль, ни вор, ни попечение житейское. Точно как Ангелы живут убогие. Хочешь ли видеть красоту такой души? Хочешь ли узнать богатство нищеты? Душа убогого не повелевает мужами, но повелевает демонами; не предстоит царю, но предстала Богу; не воинствует с человеками, но воинствует с Ангелами; не имеет одного, двух, трех, двадцати сундуков, но имеет такое изобилие, что целый мир вмещает ни во что. Она не имеет сокровища, но имеет Небо; не нуждается в рабах, – напротив, ей раболепствуют помыслы, обладающие царями. Помысл, владеющий облеченным в багряницу, до такой степени боится бедняка, что не смеет поднять и глаз своих. Произвольно убогий и над царским венцем, и над золотом, и над всем тому подобным смеется, как над детскими игрушками. Все это кажется ему столь же презренным, как и колеса, и кости, и камешки, и мячи. Он имеет такое украшение, кото-

рого не могут даже видеть забавляющиеся этими игрушками. Итак, что же лучше этого убогого? Ему подножием служит небо; а если таково подножие, то сам рассуди, что ему служит покровом. Скажешь, что нет у него коней и колесниц? Но ему какая в том нужда, когда он имеет шествовать на облаках и быть со Христом? Итак, размысливши об этом, и мужи и жены, взыщем этого богатства, этого неждиваемого имущества, да сподобимся получить Царствие Небесное, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа XLVIII

И бысть, егда сконча Иисус притчи сия, преиде отгуду (Мф. 13, 53)

Изъяснение 13, 53–14, 12. Незнатность происхождения Христа должна была вызывать большее удивление к Его учению. – Почему в отечестве Своем Христос сотворил немногие чудеса. Мнение Ирода о Христе. – Преступление Иродиады и Ирода. – В чем состоял закон, нарушенный Иродом. – Вред пляски и пиришеств. – Страдания, причиняемые праведнику, увеличивают его награду. – Распутство бывает причиною многих преступлений. – Грех покрывается не присовокуплением греха, а покаянием. – Должно не осмеивать, а прикрывать грехи ближних. – Преступность пиришеств, устрояемых для тунеядцев. – Должно исправлять тунеядцев, употребляя их на служение добрым делам.

1. Для чего присовокуплено: *сия*? Для того, что Господь намеревался сказать еще другие притчи. А для чего переходит Он на другое место? Для того, что хочет сеять слово повсюду. *Ипришед в отечестве Свое, учаще их на сонмищи их* (Мф. 13, 54). Какое же отечество Христа разумеет здесь Евангелист? Думаю, что Назарет, – потому что сказано: *не сотвори ту сил многих* (Мф. 13, 58). В Капернауме же Господь творил чудеса, почему и сказал: *и ты, Капернауме, Иже до небес вознесыйся, до ада снидеши; зане аще в Содомех быша силы были бывшия в тебе, пребыли убо быша до днешняго дне* (Мф. 11, 23). Но, пришедши в Назарет, Христос оставляет чудеса, чтобы не возжечь в иудеях большей зависти и чтобы не осудить строже за умножившееся неверие, и взамен того предлагает учение, не менее чудес чудное. Но люди, до крайности бессмысленные, когда надлежало дивиться и изумляться силе слов Христовых, вместо того унижают Христа по мнимом отце Его, – хотя в прежние времена много имели тому примеров, что у незнатных родителей бывали знаменитые дети. Так Давид был сын одного незначительного земледельца – Иессея; а Амос, родившись от пастуха коз, и сам был также пастухом коз; и у Моисея-законодателя отец был гораздо его ниже. Следовательно, и пред Христом должно было благоговеть и прийти в изумление потому наиболее, что, имея таких родителей, говорил необычайное. Это ясно показывало в Нем не человеческое обучение, но Божественную благодать. Но за что надлежало удивляться, за то презирают. Между тем Господь постоянно ходит в синагоги, чтобы за всегдашнее пребывание в пустыне не стали еще расславлять о Нем, как о раскольнике и враге общества. Итак, дивясь и недоумевая, иудеи говорили: *откуда Сему премудрость сия и силы?* (Мф. 13, 54) – называя силами или чудеса, или самую премудрость. *Не Сей ли есть тектонов сын?* (Мф. 13, 55) В этом-то и величие чуда; это-то особенно и изумительно. *Не Мати ли Его нарицается Мария? И братья Его Иаков и Иосий, и Симон и Иуда? И сестры Его не вся ли в нас суть? Откуда Сему сия? И блажняхуса о Нем* (Мф. 13, 55–57).

Примечаешь ли, что Господь беседовал в Назарете? Не братья ли Ему тот и тот? – говорили там. Так что же? Это-то самое и должно было особенно обратить вас к вере. Но зависть лукава и часто противоречит сама себе. Что было и странно, и чудно, и достаточно к тому, чтобы привлечь их, – то самое их соблазняло. Что же сказал им Христос? *Несть, говорит Он, пророк без чести, токмо во отечествии своем, и в дому своем* (Мф. 13, 57). *И не сотвори, присовокупляет Евангелист, сил многих за неверствие их* (Мф. 13, 58). Евангелист же Лука сказал: и не сотворил там многих знамений, хотя следовало сотворить. В самом деле, если удивление к Нему возрастало (даже и тогда дивились уже), то почему бы не сотворить чудес? Но целью Его было не Себя показать, а им доставить пользу. А так как в последнем не было успеха, то

Спаситель пренебрег и то, что касалось до Него Самого, чтобы не увеличить их наказания. Смотри же: хотя Он пришел к ним после долговременного отсутствия и показавши множество знамений, но они и теперь не потерпели Его, а снова распалились ненавистью. Но для чего же Он сотворил немногие чудеса? Для того, чтоб не сказали: *врачу, исцелися Сам* (Лк. 4, 23); не сказали: Он наш противник и враг, презирает Своих; не сказали: если бы чудеса были, и мы бы уверовали. Вот почему Он и сотворил чудеса, и удержался от чудес: сотворил, чтоб исполнить Свое дело; удержался, чтоб не подвергнуть их большему осуждению. Вникни же в силу сказанного: обладаемые ненавистью вместе и дивились. Но как, судя о делах Христовых, не оуждают самых дел, но вымышляют небывалые вины, говоря: *о веельзевуле изгонит бесы* (см.: Мф. 12, 24; Лк. 11, 15), так и здесь, судя обучении, не осуждают его, но прибегают к низости рода. А ты заметь снисходительность Учителя, как Он не упрекает их, но с большою кротостью сказал: *несть пророк без чести, токмо во отечествии своем*; и даже на этом не остановился, но присовокупил: *и в дому своем*. Присовокупил же это, как думаю, разумея братьев Своих.

2. У Евангелиста Луки Господь представляет тому и примеры, говоря, что Илия приходил не к своим, но к иноземной вдовице, и что Елисеем исцелен от проказы не другой кто, а иноземец Нееман (см.: Лк. 4, 25–27). Израильтяне и благодеяний не получили, и сами добра не делали; а облагодетельствованы и благодетельствовали чужие. Говорит же это Христос, чтобы показать злой их нрав и то, что обращение с Ним не есть что-либо новое. *В то время услыша Ирод четвертовластник слух Иисусов* (Мф. 14, 1). Царь Ирод, отец упоминаемого и избивший младенцев, тогда уже умер. Евангелист не без намерения означает время, но чтобы ты увидел суетность и небрежность государя, который о делах Христовых узнает не вначале, но по прошествии немалого времени. Так-то люди, облеченные властью и величием, мало уважая такие вещи, поздно узнают о них. Но ты познай могущество добродетели: Ирод боится и умершего Иоанна; даже от страха любомудрствует о Воскресении. *И рече*, говорит Евангелист, *отроком своим: сей есть Иоанн*, которого я умертвил; он воскрес из мертвых, *и сего ради силы деются о нем* (Мф. 14, 2). Видишь ли, как силен у него страх? Он не смеет и теперь сказать это всенародно, а говорит только своим придворным. Впрочем, самая догадка груба и нелепа. Хотя многие воскресали из мертвых, но ни один не творил таких чудес. Мне кажется, что сказанное Иродом внушено и честолюбием, и страхом. Действительно, душа, не управляемая разумом, часто вмещает в себе смесь противоположных страстей. Так, по сказанию Евангелиста Луки, в народе о Христе говорили: это Илия, или: Иеремия, или: один из древних пророков (см.: Лк. 9, 8); а Ирод, как бы говоря рассудительнее прочих, называл Его Иоанном. Вероятно же, когда прежде другие признавали Его Иоанном, – так как и это говорили многие, – тогда с самохвальством и кичливостью Ирод отвергал такую молву, говоря: я умертвил Иоанна. Марк и Лука приписывают Ироду слова: *Иоанна азусекнух* (Мк. 6, 16; Лк. 9, 9). Но когда слухи усилились, то Ирод уже начинает говорить одно с народом. Далее Евангелист рассказывает нам самое происшествие. Почему же не описал его прежде? Потому что единственным намерением Евангелистов было говорить о делах Христовых, и они ничего не говорили лишнего и постороннего, кроме того, что могло содействовать их главной цели. Потому и теперь они не упомянули бы о происшествии, если бы оно не касалось Христа и Ирод не сказал, что Иоанн воскрес. Евангелист Марк замечает, что Ирод весьма уважал Иоанна, хотя и был им обличаем (см.: Мк. 6, 20). Таково могущество добродетели! Евангелист же Матфей так продолжает повествование: *Ирод бо емь Иоанна, связа его и всади в темницу, Иродиады ради, жены Филиппа брата своего. Глагола – ше бо ему Иоанн: не достоин ти имети ея. И хотящъ его убити, убояся народа, занеяко пророка его имеаху* (Мф. 14, 3–5). Почему же Иоанн говорит не с Иродиадою, а с Иродом? Потому что Ирод имел больше власти. Заметь же, как легко Евангелист обвиняет Ирода, пересказывая дело, как простой повествователь, а не как обвинитель. *Дню же бывшу рождества Иродова, пляса дщи Иродиадина посреде, и угоди Иродови* (Мф. 14, 6). О, дьявольское пиршество! О, сатанинское позорище! О, незаконная пляска и награда самой пляски незакон-

нейшая! Дерзнули на убийство, все убийства злодеянием превосходящее! Достойный венца и величаний пред глазами всех заклан, и победное знамение бесов на трапезе поставлено! Самый образ победы достоин события. *Пляса*, говорит Евангелист, *дщи Иродиадина посреде, и угоди Иродови. Темже и с клятвою изрече ей дати, егуже аще воспросит. Она же, наваждена материю своею, даждь ми, рече*, где на блюде главу Иоанна Крестителя (Мф. 14, 6–8). Двойное преступление, – и потому что плясала, и потому что угодила, и угодила так, что в награду совершается убийство. Видишь ли, как бесчеловечен, как нечувствителен, как бессмыслен Ирод? Себя связывает клятвою и девице дает полную власть просить. Когда же увидел зло, какое из того вышло, *печален бысть* (Мф. 14, 9), говорит Евангелист, – хотя сначала сам связал Иоанна. Почему же печалится? Такова добродетель! И у порочных людей она достойна удивления и похвал. Каково же неистовство Иродиады! Ей надлежало удивляться Иоанну, надлежало благоговеть пред ним, потому что защищал ее от позора; а она замышляет о смерти его, расставляет сети, просит сатанинского дара. Ирод же убоился, говорит Евангелист, *клятвы ради и за возлежащих с ним* (Мф. 14, 9). Но как же ты не убоился поступка бесчеловечнейшего? Если ты боялся иметь свидетелей клятвоступления, то гораздо больше надлежало тебе страшиться иметь столько свидетелей такого незаконного убийства.

3. Но так как, думаю, многие не знают силы того обвинения, из-за которого произошло убийство, то считаю нужным объяснить это, чтобы вы ясно увидели мудрость Законодателя. Какой же это был древний закон, нарушенный Иродом и сильно поддерживаемый Иоанном? Тот, что жена умирающего бездетным должна была выходить за брата его (см.: Втор. 25, 5). Так как смерть была неотвратимое зло, а Законодатель во всем промышлял о жизни, то поставлено законом остающемуся в живых брату вступать в брак с женою умершего и по имени его называть родившегося младенца, чтобы род умершего не прекращался. Если кто умирает без надежды оставить после себя детей, – без этого величайшего утешения в смерти, – то скорбь о кончине его ничем не может быть утолена. Вот почему для тех, кого природа лишила детей, Законодатель придумал средство к утешению и повелел, чтобы младенец, рожденный после покойника, считался его собственным. Когда же после умершего оставались дети, указанный брак не был допускаем. Но почему же? – спросишь: если постороннему он был позволителен, то не гораздо ли больше брату? Нимало. Законодатель желал, чтобы родство распространялось и больше было поводов к установлению близких отношений между людьми. Почему и с женою умирающего бездетным не вступал в брак посторонний? Потому, что в таком случае младенец не считался бы принадлежащим покойнику А теперь, так как младенец рождался от брата, самый подлог делался не приметным. Притом посторонний вовсе не имел и нужды восстанавливать дом умершего; а брат своим родством приобретал на то право. Но поелику Ирод вступил в брак с женою брата, у которой была дочь, то Иоанн обличает его за это, и обличает со всею пристойностью, при дерзновении показывая и снисхождение. Но смотри, каким сатанинским делом было все это позорище. Во-первых, оно состоялось чрез пьянство и сластолюбие, откуда ничего не происходит доброго. Во-вторых, зрители были люди развратные; а дающий пиршество всех беззаконнее. В-третьих, забава была безумная. В-четвертых, девица, чрез которую брак делался противозаконным и которой надлежало скрываться от света по причине позора своей матери, пышно является в собрании и, отложив девический стыд, затмевает собою всех блудниц. И самое время не мало служит к осуждению этого беззакония. Тогда как Ироду надлежало благодарить Бога за то, что в этот день произвел его на свет, он отваживается в это время на такие беззакония. Когда надлежало освободить связанного, тогда он к узам присоединяет убийство. Да обратят на это внимание те из девиц, а еще более – из замужних женщин, которые на чужих браках не отказываются вести себя неприлично, скакать, плясать и срамить свой пол. Да обратят также внимание те из мужчин, которые любят роскошные и сопровождаемые пьянством пиршества. Да убоятся они бездны, изрытой диаволом. И несчастным Иродом так сильно овладел тогда диавол, что он клянется отдать даже половину царства. Об этом

так говорит Евангелист Марк: *клятса ей, яко егоже аще попросиши у мене, дам ти и до пол царствия моего* (Мк. 6, 23). Так высоко ценил Ирод свою царскую власть, так отдался в плен страсти, что уступает царство за пляску. И чему дивиться, если так случилось с Иродом, когда и ныне, при высоте любомудрия, много таких изнеженных юношей, которые за пляску отдают свои души, даже и не обязываясь к тому клятвою? Предавшись в плен удовольствиям, они, подобно бессловесным, ведутся, куда влечет их волк. Тому же самому подвергся тогда и безумец Ирод, безрассудно совершивший два постыднейшие дела: то, что дал волю женщине столь неистой, упоенной страстью и ни в чем себе не отказывающей; и то, что связал себя клятвою. Но как ни незаконно поступил он, жена была всех незаконнее – и девицы, и царя. Она-то была изобретательницею всех зол, она устроила все дело, хотя ей больше всего надлежало благодарить пророка. И дочь из повиновения ей бесчинствовала, плясала, просила об убийстве, и Ирод ею же уловлен был в сети. Видишь ли, как справедливо сказал Христос: *Иже любит отца, или матерь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37)? Если бы дочь Иродиана соблюла этот закон, то не преступила бы многих законов, не совершила бы этого гнусного убийства. В самом деле, что может быть хуже такого зверства – просить в знак благодарности убийства, просить убийства незаконного, просить убийства среди пиршества, просить убийства бесстыдно и при народе? Не наедине приходит она и предлагает просьбу. Нет, она говорит ее при собрании, сбросив с себя личину, совершенно откровенно, взяв диавола в помощники. И конечно, диавол сделал то, что она и угодила тогда пляскою и пленила Ирода. Подлинно, где пляска, там и диавол. Не для того Бог дал нам ноги, чтобы бесчинствовать, но для того, чтобы ходить чинно; не для того, чтобы прыгать, подобно верблюдам (и они, а не только женщины, отвратительны, когда пляшут), но для того, чтобы ликовать с Ангелами. Если тело делается безобразным при таких бесчинствах, то не гораздо ли больше – душа? Так пляшут бесы, так обольщают служители бесов!

4. Вникни же в самую просьбу: *даждь* ми zde на блюде главу Иоанна Крестителя. Видишь ли, как она потеряла весь стыд, как вся предалась диаволу? И о достоинстве помнит, и того, однако ж, не стыдится; но, будто говоря о каком-нибудь кушанье, просит принести на блюде эту священную и блаженную главу! Даже не указывает и причину (почему просит), – так как никакой не имела; но просто изъявляет желание, чтобы в уважение ей было сделано зло другому. Не сказала: приведи его сюда и умертви, потому что не вынесла бы дерзновения готовящегося к смерти Иоанна: она боялась услышать грозный голос умерщвляемого, – ведь Иоанн не умолчал бы и пред усечением. Потому и говорит: *даждь* ми zde на блюде. Хочу видеть этот язык молчащим. Она не только желала освободиться от обличений, но наступить на лежащего и насмеяться над ним. И Бог потерпел это, не послал молнии свыше и не попалил бесстыдного лица; не повелел расступиться земле и поглотить злое это сонмище, чтобы и праведника увенчать больше, и тем, которые впредь будут терпеть неправду, доставить обильное утешение. Итак, пусть выслушают это те из нас, которые, живя добродетельно, терпят насилие от злых людей. И тогда Бог потерпел, чтобы живший в пустыне, ходивший в кожаном поясе, в волосяной одежде, пророк, – даже больше пророка, – тот, пред кем нет большего из рожденных женами, был умерщвлен, умерщвлен бесстыдной девою и развратною блудницею, умерщвлен за то, что защищал Божественные законы. Помышляя об этом, будем мужественно переносить все, что ни случится нам терпеть. Вот и тогда эта гнусная убийца и преступница, как только хотела отомстить огорчившему ее, так и могла сделать; излила весь свой гнев, – и Бог попускал то. Хотя Иоанн ничего не говорил ей самой, ни в чем не обличал ее, а винил одного мужа, однако совесть была строгим обличителем. Мучимая и угрызаемая ею Иродиада неистово порывалась на большее зло, всех вместе влекла в позор: и себя, и дочь, и умершего мужа, и живого прелюбодея, – стараясь превзойти прежние свои преступления. Если для тебя прискорбно, говорила она, что Ирод прелюбодействует, то я сделаю его и убийцею: заставлю умертвить обвинителя.

Выслушайте это вы, которые чрез меру пристращаетесь к женщинам! Выслушайте вы, которые клянетесь, не зная в чем, – делаете других властелинами вашей гибели и сами себе роете яму! И Ирод погиб также. Конечно, он думал, что дочь Иродиады попросит себе чего-нибудь приличного пиршеству, и именно, как девица, в торжественный день среди общего веселия при собрании, станет просить какого-нибудь блестящего и изящного подарка, а не попросит головы. Но обманулся. И однако, все это не извиняет его. Пусть Иродиада имела сердце, свойственное только борцу со зверями; но ему не следовало даваться в обман и рабски служить тиранским повелениям. И во-первых, кто бы не ужаснулся, видя священную главу Крестителя, лежащую в крови среди пира? Но не ужаснулся беззаконный Ирод, не ужаснулась и женщина, преступнее Ирода. Таковы распутные женщины: они всех бывают бесстыднее и свирепее! Если мы, слыша о том, приходим в ужас, то какое зрелище должны были тогда вынести взоры? Что должны были чувствовать присутствовавшие на пире, когда среди общего веселия увидели кровь, каплющую с главы, только что усеченной? Но эта кровопийца, самих фурий лютейшая, нимало не смутилась при таком зрелище, а еще и услаждалась им. Если уже не могло подействовать ничто другое, то при одном взгляде надлежало ей прийти в оцепенение. Но и это не подействовало на гнусную убийцу, жаждущую крови пророческой. Таков блуд: не только делает наглецами, но и гнусными убийцами! Предавшаяся распутству близка к тому, чтобы покуситься на жизнь оскорбленного ею супруга, готова даже отважиться не на одно или два, но на тысячи убийств. Много есть примеров таких злодеяний. Конечно, и Иродиада так поступила тогда в надежде наконец предать забвению и свое преступление. Но вышло совершенно наоборот: после этого Иоанн начал вопиять еще громче.

5. Но человек в злобе смотрит только на настоящее и подобен одержимому горячкою, который безвременно просит холодного. Если бы Иродиада не умертвила обличителя, то не обнаружилось бы в такой мере преступление. Ученики Христовы ничего не говорили о том, что Ирод ввергнул Иоанна в темницу. Но когда убил его, тогда принуждены были объявить и причину. Они хотели прикрыть блудницу и не желали обнаруживать худых дел ближнего; но когда доведены были до необходимости изложить происшествие, тогда рассказывают все преступление. И чтобы не стал кто подозревать, что причиною умерщвления было нечто худое, как в истории Февды и Иуды (см.: Деян. 5, 36–37), оказались вынужденными объявить и повод к убийству. Итак, чем более хочешь утаить грех, по примеру Иродиады, тем более обнаруживаешь его. Грех покрывается не присовокуплением греха, но покаянием и исповедью. Смотри же, с каким беспристрастием Евангелист повествует о всем, и даже, что только мог, приводит в оправдание. Относительно Ирода говорит, что он совершил преступление *клятвы ради, и за возлежащих с ним*, и что *печален бысть*; а о девице замечает, что она подучена была матерью и что отнесла главу матери, как бы желая тем сказать, что дочь исполняла приказ материн. Так все праведники болезнуют не о терпящих, но о делающих зло, – потому что делающие зло в большей мере и терпят его. И теперь не Иоанну сделано зло; а подверглись ему те, которые довели его до смерти. Будем и мы подражать праведникам, и не только остережемся осмеивать грехи ближних, но постараемся по мере возможности даже прикрывать их. Научимся быть любомудрыми. Вот и Евангелист, говоря о распутной женщине и гнусной убийце, выразился, насколько лишь было возможно, безобидно. Не сказал он: *наваждена* кровожадною и преступною матерью, но просто: *материю*, – употребляя самое почтительное имя. А ты оскорбляешь и укоряешь ближнего и, когда бываешь в досаде, не хочешь так помянуть о брате, как евангелист о блуднице, но со всею лютостью, в несносных укоризнах называешь его злодеем, негодяем, лукавцем, безумцем и другими еще более оскорбительными именами. Мы еще более ожесточаемся и, злословя, укоряя, оскорбляя брата, говорим о нем как о чужеземце. Но не так поступают святые. Они больше плачут о согрешающих, чем проклинают их. Будем и мы поступать так же; будем плакать об Иродиаде и о подражающих ей! И ныне ведь бывают подобные пиршества; и если не умерщвляется Иоанн, то умерщвляются члены Христовы, и еще с

большею жестокостью. Пляшущие ныне не главу просят на блюде, но душу пирующих с ними. Порабощая их, вовлекая в незаконные пожелания и соблазняя блудницами, не главу усекают, но умерщвляют душу, потому что делают развратными, изнеженными блудниками. Не говори мне, что ты, когда, разгорячась вином и упившись, смотришь на пляску и слушаешь бесстыдные речи женщины, ничего к ней не чувствуешь и не влечешься к разврату, одолеваемый сладострастием. Напротив, ты терпишь ужасный вред, потому что члены Христовы делаешь членами блудницы. Если и нет пред тобой Иродиادیной дочери, то диавол, плясавший тогда в ней, и ныне управляет пляшущими, и ныне, похищая души пирующих, увлекает в плен. Если вы и без пьянства пробыть можете, то участвуете в другом грехе, жесточайшем. Таковые пиршества соединены со множеством грабительств. Не смотри, прошу тебя, на предложенные мяса и пироги, но рассуди, как все это собрано, и увидишь, что собрано обидами, лихоимством, насилием, грабительством. Но скажешь, что на ином пиршестве нет ничего такого. Пусть не будет, я и не желаю того. И все-таки роскошные ужины, если и не заслуживают таких упреков, не свободны от осуждения. Послушай, как, и помимо указанной причины, порицает их пророк, говоря следующее: горе вам, *пьющие процеженное вино, и первыми вонями мажущися!* (Ам. 6, 6) Видишь ли, как осуждает и самую роскошь? Не лихоимство порицает он здесь, а одно только сластолюбие.

6. Ты насыщаешься без меры, а Христу не достает и нужного. Для тебя ничего не значат пироги, а у Него нет и черствого хлеба. Ты пьешь фазское вино, а Ему, жаждущему, не подашь и чаши студеной воды. Ты на мягком и убранном ложе, а Он цепенеет от холода. Вот почему твои ужины, хотя и чисты от лихоимства, все-таки нечисты от преступления, так как ты все делаешь сверх нужды, а Христу не даешь и нужного, – и это несмотря на то, что роскоествуешь из Его же имущества. Если, сделавшись опекуном у сироты и взявши к себе его имущество, ты не поможешь ему в крайнем положении, то найдутся против тебя тысячи обвинителей, и будешь наказан по законам. А взявши имущество Христово и расточая так безрасчетно, ужели думаешь не дать отчета? И это я говорю не о тех, которые приводят к себе за стол блудниц (о таких, как о псах, нет и слова), и не о тех, которые преданы лихоимству и поядаютчужое (и с такими, как со свиньями и волками, у меня ничего нет общего), а говорю о тех, которые пользуются собственным именем и не уделяют из него другим, о тех, которые безрасчетно проживают отцовское наследие. И такой не свободен от порицания. И скажи мне, как избежишь ты порицания и осуждения, когда шут и комнатный пес у тебя пресыщаются, а Христос кажется тебе и их менее стоящим? Когда иной и за смехотворство берет много, а Христос за Царствие Небесное не получает и малой доли? Иной за то, что молвил острое слово, пошел от тебя с полными руками, а Христос, научивший нас тому, чего не зная, не различались бы мы от псов, не удостаивается такого дара. Не приходишь ли в ужас, слыша это? Так ужаснись самого дела. Прогони тунеядцев и сделай, чтобы Христос разделял с тобою трапезу. Если Он вкусит твоего хлеба и соли, то снисходителен будет к тебе на суде, потому что Он умеет помнить твой хлеб и соль. Если разбойники не забывают гостеприимства, то гораздо больше Владыка. Вспомни о той блуднице, которую Господь оправдал за трапезу, а Симона укоряет, говоря: *лобзания Ми не дал еси* (Лк. 7, 45). Если Господь питает тебя, когда ты и не исполняешь этого, то без сравнения вознаградит, когда исполнишь. Не смотри в нищем на то, что он неопрятен и гнусен видом, но представляй себе, что чрез него Христос входит к тебе в дом; удержишься от жестокосердия и злоязычия, с каким всегда укоряешь приходящих, называя их притворщиками, ленивцами и другими еще обиднейшими именами. Рассуди, – когда произносишь такие слова, – какими делами занимаются твои тунеядцы? Какую пользу приносят они твоему дому? Верно, обед делают для тебя приятным? А чем это? Не тем ли, что ты бьешь их по щекам, а они говорят тебе всякий вздор? Но может ли быть что постыднее, как бить созданного по образу Божию, и в обиде ему находить для себя забаву, и тебе, человеку благородному и свободному, обращать дом свой в театр, наполнять беседу свою скоморохами,

подражать тому, что бывает в народных игрищах? Там тоже смех и побои. Итак, скажи мне: то ли называешь увеселением, что достойно многих слез, многого плача и сетования? Тебе следовало бы обратить их к порядочной жизни, следовало бы внушить им обязанности их, а ты вовлекаешь их в напрасные клятвы и в бесчинные речи, и даже называешь это забавою! За что ты должен ждаться себе геенны, то считаешь предлогом к веселию. Ведь как скоро у них недостает острых слов, тогда все они вознаграждают божбою и напрасными клятвами. Смеха ли это достойно? Не плача ли и слез? И кто назовет это смешным, будучи в здравом уме?

7. Но, говоря это, не запрещаю и таким людям давать пропитание: напитай, но по другому побуждению. Дай кусок, но из человеколюбия, а не по жестокосердию; с милостью, а не с обидою. Накорми потому, что он нищий; а не за то, что он говорит сатанинские речи и позорит свою жизнь. Накорми потому, что питаешь в нем Христа. Не смотри, что этот человек наружно смеется; но испытай совесть: тогда увидишь, что он тысячекратно клянет себя самого, стонает и скорбит. А если не показывает этого, то для тебя единственно. Итак, пусть лучше окружают тебя люди нищие и благородно мыслящие; пусть они разделяют твою трапезу, а не клятвопреступники, не скоморохи. Если же хочешь потребовать у них и вознаграждения за пищу, прикажи им, когда увидят какой беспорядок, вразумлять тебя, подавать советы, помогать тебе в хлопотах о доме, в управлении слугами. Если имеешь детей, пусть и они будут отцами твоих детей, разделяют с тобою присмотр за ними; пусть приносят тебе прибыль, приятную Богу. Доставляй им случай к духовной купле. Если видишь нуждающихся в помощи, вели помочь, прикажи услужить; посредством их отыскивай странных, чрез них одевай нагих, чрез них посылай в темницу и разведывай чужие нужды. Вот какое вознаграждение пусть они дадут тебе за пищу, полезное и для тебя и для них, не заслуживающее никакой укоризны. Чрез это и дружба связывается крепче. Теперь призренные тобою хотя и думают, что ты любишь их, но вместе стыдятся, как живущие у тебя даром. Исправляя же такие поручения, станут усерднее служить тебе, и для тебя будет приятнее кормить их, потому что истратишься не даром. Они начнут обходиться с тобою смело и с надлежащею свободою, и дом твой вместо театра сделается церковью; диавол убежит, вселится же Христос и лик Ангелов. Где Христос, там и Ангелы; а где Христос и Ангелы, там Небо, там свет, светлейший этого солнечного света. Если хочешь приобрести от них иное утешение, то в досужное время вели им, взяв Писание, читать Божественный закон. Они охотнее будут тебе служить этим, нежели забавляя иначе, потому что это и тебя и их делает более почтенными, а другие забавы всех вместе позорят: тебя – как обидчика и упивающегося до забывчивости, а их – как бедняков и готовых на все из-за куска. Если кормишь, чтобы обидеть, то это жестокосерднее, чем если бы ты умертвил их. А если кормишь для одолжения и для их выгоды, то поступок твой полезнее, чем если бы ты избавил ведомых на смерть. В первом случае унижаешь их пред самими слугами, так что слуги больше, чем они, имеют смелости и чисты совестью. В другом же случае делаешь их равными Ангелам. Итак, освободи и их, и себя; истреби имя тунеядцев, переименуй их в собеседников и, перестав звать льстецами, приветствуй как друзей. Для того дружба и установлена Богом – не ко вреду, но ко благу и пользе любимых и любящих. Но бесчестная дружба хуже всякой вражды. От врагов, если мы захочем, можем получить и пользу; а от таких друзей ничего не бывает, кроме одного лишь вреда. Не имей же друзьями учителей вреда, не имей таких друзей, которые больше любят (сытный) стол, нежели дружбу. Все такие друзья, как скоро прекратишь пиры, прекратят и дружбу. Кто соединен с тобою добродетелью, тот неотлучно при тебе пребывает, перенося всякий недостаток. А эти тунеядцы – такого свойства, что часто тебе мстят и навлекают на тебя худую славу. И я знаю многих людей благородных, которые чрез связи с ними заслужили о себе худое мнение. Одни оклеветаны в волшебстве, другие в прелюбодействе, а иные в деторастлении. Так как люди эти не имеют никакого занятия, а проводят жизнь в праздности, то многие подозревают, что они оказывают позорные услуги такого же рода. Итак, избавляя себя от худой славы, а особенно от будущей геенны, и делая угодное Богу, бросим

этот диавольский обычай, чтобы, когда едим и пьем, творить все во славу Божию (см.: 1 Кор. 10, 31), и сподобиться от Господа славы, которую да получим все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа XLIX

**И слышав Иисус, отъиде оттуду в корабли в пусто место един:
и слышавше народи, по Нем идоша пеши от (всех) градов (Мф. 14, 13)**

Изъяснение 14, 13–32. Почему Христос после известия о смерти Иоанна удаляется в пустыню. – Привязанность народа ко Христу. – Несовершенство веры учеников. – Почему одни чудеса Христос совершал собственной властью, другие именем Отца. – Умножение хлебов свидетельствует, что Христос есть Творец всего видимого. – Способ совершения чуда и цель его. – Не должно искать людской славы. – Духовные блага должно предпочитать чувственным. – Милосердие превосходнее всех искусств. – Всякое искусство достойно своего имени, доколе служит к удовлетворению необходимого. – Против роскоши в обуви и одежде.

1. Заметь, что Господь всякий раз удалялся, когда Иоанн был предан, когда он умерщвлен и когда иудеи слышали, что Иисус приобретает многих учеников. Ему угодно было чаще поступать по-человечески, пока не пришло время вполне обнаружить Божество Свое. Потому и ученикам Он приказывал никому не говорить, что Он Христос; Он хотел, чтобы это сделалось известным по Воскресении Его. По этой причине и с иудеев, которые дотолде не веровали в Него, не строго взыскивал, а напротив, извинял их. Удаляется же не в город, но в пустыню, и притом на корабле, чтобы никто не следовал за Ним. Не оставь без замечания и того, что ученики Иоанновы теперь уже ближе стали к Иисусу. Они именно уведомили Его о случившемся (с Иоанном) и, оставив все, делают уже Его учениками. Так, кроме несчастья, немало исправило их и то, что Иисус внушил уже им о Себе Своим ответом. Но почему Господь не удалился до получения от них известия, хотя знал о случившемся и без уведомления? Для того, чтобы во всем показать действительность воплощения. Не видом только, но и самыми делами Он хотел уверить в истинности его, потому что знал злобную хитрость диавола, который готов все сделать, только бы истребить в людях мысль о Его воплощении. Вот по каким причинам удаляется Христос. Но привязанный к Нему народ не оставляет Его, а следует за Ним; и происшествие с Иоанном не устрашало Его. Такова привязанность! Такова любовь! Так она все побеждает и устраняет трудности. За это-то народ и получил вскоре награду. *И изшед Иисус, продолжает Евангелист, виде мног народ, и милосердова о них, и исцели недужныя их (Мф. 14, 14).* Хотя ревность их была велика, но благодеяния Христовы превышали цену всякого усердия. Потому Евангелист и причиною исцелений в данном случае поставляет особенную милость; Христос всех исцеляет и не спрашивает здесь о вере, потому что исцеленные показывают свою веру уже тем самым, что пришли к Иисусу, оставили города, тщательно искали Его и не оставляли, когда даже принуждал их к тому голод. Христос намеревается дать им пищу. Но Сам не начинает этого, а ожидает, пока обратятся к нему с просьбою, всюду, как я уже говорил, наблюдая правило: не прежде приступать к совершению чудес, как по просьбе. Но почему же никто из народа не подошел и не попросил Его об этом? Они безмерно Его уважали и желанием быть при Нем подавляли в себе чувство голода. Но и ученики Его не подошли и не сказали: накорми их, потому что еще были несовершенны. Но что они говорят? Позде же бывшу, говорит Евангелист, *приступиша ученицы Его, глаголюще: пусто есть место, и час уже мину; отпусти народы, да шедше купят брашна себе (Мф. 14, 15).* Если ученики и по совершении этого чуда забыли о нем, и после кошниц думали, что Христос говорит о хлебах, когда Он учение фарисейское назвал квасом, то тем более, не видевши еще на опыте такого

чуда, не могли ожидать чего-нибудь подобного (см.: Мф. 16, 6). И хотя Христос исцелил сперва многих недужных, однако ученики, и то видя, не ожидали чуда над хлебами. Столько еще были они несовершенны! Ты же заметь мудрость Учителя, как прямо Он ведет их к вере. Не сказал вдруг: Я напитаю их; этому они не скоро бы поверили. *Иисус же*, говорит Евангелист, *реме им*, – что же именно? Не требуют отъити, дадите вы им ясти (Мф. 14, 16). Не сказал: Я дам; но – вы дадите, – так как они еще считали Его простым человеком. Даже и после этого не возвысились они в понятиях, напротив, отвечают как простому человеку, говоря: *не имамы, токмо пять хлеб и две рыбе* (Мф. 14, 17). Потому и Евангелист Марк говорит, что они не разумели сказанного: *бе бо сердце их окаменено* (Мк. 6, 52; см.: Мф. 8, 17). Итак, поелику они еще пресмыкались по земле, то Господь Сам начинает уже действовать и говорит: *принесите Ми их семо* (Мф. 14, 18). Хотя *пусто есть место*, но здесь Тот, Кто питает вселенную; хотя *час уже мину*, но с вами беседует Тот, Кто не подлжит времени. Иоанн упоминает и о том, что хлебы были ячменные, и не без цели говорит об этом, а с намерением научить, чтобы мы не тщеславились дорогими яствами. Такова была трапеза и у пророков. *Приемь убо пять хлеб и обе рыбе*, продолжает Евангелист, *и повелев народом возлеци на траве, воззрев на небо, благослови, и преломив даде учеником Своим, ученицы же народом. Иядоша еси, и насытишася; и взяша избытки укрух, дванадесять коша исполнь. Ядущих же бе мужей яко пять тысящ, разве жен и детей* (Мф. 14, 19–21).

2. Для чего Христос воззрел на небо и благословил? Ему надлежало уверить о Себе, что послан от Отца и что равен Ему. Доказательства же этих истин по видимому противоречили одно другому.

Равенство Свое с Отцом Он доказывал тем, что делал все со властью; а потому, что послан от Отца, не поверили бы, если бы не поступал во всем с великим смирением, не стал приписывать всего Отцу и во всяком деле призывать Его. Вот почему Господь, в подтверждение того и другого, не делает ни того, ни другого исключительно, но творит чудеса иногда со властью, а иногда по молитве. Потом, чтобы в этих действиях Его не представлялось опять противоречия, в делах менее важных взирает на небо, а в важнейших все творит со властью, из чего ты должен заключить, что и в менее важных делах Он поступает так не по нужде в содействии, но воздавая честь Рождшему Его. Так, когда отпускал грехи, отверз рай и ввел в него разбойника, когда полновластно отменял ветхий закон, воскрешал многих мертвых, укрощал море, обнаруживал тайны сердечные, отверзал очи, – каковые дела свойственны одному Богу, а не другому кому, – ни при одном из этих действий не видим Его молящимся. А когда намеревался умножить хлебы, что было гораздо маловажнее всех прежде исчисленных действий, тогда взирает на небо, как в подтверждение Своего посольства от Отца, по замеченному мною выше, так и в научение наше, не прежде приступать к трапезе, как воздав благодарение Подающему нам пищу. Но почему не творит хлебов вновь? Чтобы заградить уста Маркиону и Манихею, которые не признают Его Творцом, чтобы самыми делами научить, что все видимое произведено и сотворено Им, и чтобы доказать, что Он есть дающий плоды и изрекший в начале: *да произрастит земля былие травное*; также: *да изведут воды гады души живых* (Быт. 1, 11, 20). И настоящее чудо не маловажнее творения былия или гадов. В самом деле, пресмыкающиеся, хотя и сотворены вновь, однако сотворены из воды. А из пяти хлебов и двух рыб сделать так много – не маловажнее, чем произвести из земли плод и из воды пресмыкающихся животных; это значило, что Иисус имеет власть над землею и над морем. Доселе творил Он чудеса над одними больными; а теперь оказывает всеобщее благодеяние, чтобы народ не оставался простым зрителем того, что происходило с другими, но сам получил дар. И что иудеям, во время странствования по пустыне, казалось чудным (так как они говорили: *еда и хлеб может дати, или уготовати трапезу в пустыне?* – (Пс. 77, 20), то самое Господь показал на деле. Для того и ведет их в пустыню, чтобы чудо не подлежало решительно никакому сомнению и никто не подумал, что для питания принесено что-нибудь из ближнего селения. Для того Евангелист

упоминает и о времени, а не только о месте. Отсюда научаемся и другому, именно: познаем умеренность учеников в удовлетворении необходимых потребностей и то, как мало заботились они о пище. Их было двенадцать человек; а они имели при себе только пять хлебов и две рыбы. Столь мало радели они о плотском, а занимались только духовным! Да и этих немногих хлебов не стали удерживать, а их отдали, как скоро попросили у них. Отсюда должны мы научиться, что хотя имеем у себя и малость, и то обязаны отдавать нуждающимся. Когда им велено принести пять хлебов, они не говорят: что же будем есть сами? Чем утолим свой голод? – но тотчас повинуются. Кроме сказанного, по моему мнению, Христос и для того не творит вновь хлебов, чтобы привести учеников к вере: они были еще весьма слабы. Потому взирает и на небо. Они видели неоднократно примеры других чудес, а такого чуда еще не видали. Итак, взяв, преломил и раздавал чрез учеников, делая им чрез это честь. Впрочем, Он сделал это не столько для чести их, сколько для того, чтобы, когда совершится чудо, они не остались в неверии и не забыли о бывшем, когда собственные их руки будут свидетельствовать о том. Для той же цели и народу дает сперва испытать чувство голода; для той же цели выжидает, чтобы ученики пришли и просили, чрез них же рассказывает народ, чрез них же раздает хлеб, желая, чтобы каждый предрасположен был к чуду собственным сознанием и опытом. По той же причине берет и хлебы от учеников, чтобы много было свидетельств о случившемся и памятнее сделалось для них чудо. Если и при всем том забыли они, то что бы вышло, когда бы не приняты были такие меры? Господь повелевает возлечь на траве, научая тем народ простоте жизни; хотел не тело только напитать, но и душу научить.

3. Итак, Господь для того избрал такое место, дал не более как хлебы и рыбу, предложил всем одну общую пищу и никому не уделил больше другого, чтобы научить смиренномудрию, воздержанию, любви, – тому, чтобы мы все равно были расположены друг к другу и все считали общим. *И преломив, даде учеником, ученицы же народом.* Пять хлебов преломил и раздал, и эти пять хлебов в руках учеников не истощались. Но и тем чудо еще не ограничилось. Господь сделал, что оказался избыток, и избыток не в цельных хлебах, а в кусках, чтобы показать, что это точно остатки от тех хлебов, и чтобы не находившиеся при совершении чуда могли узнать, что оно было. Для того Христос попустил народу почувствовать и голод, чтобы не принял кто чуда за мечту; для того сделал остатков двенадцать кошниц, чтобы и Иуде было что нести. Господь и без хлебов мог утолить голод, но тогда ученики не познали бы Его могущества, потому что это было и при Илии. А за это чудо иудеи так удивились Ему, что хотели сделать даже царем, хотя при других чудесах никогда не покушались на то. Какое же слово изобразит то, как источались хлебы, как они растекались по пустыне? Как их достало для такого множества? Евших было пять тысяч, кроме жен и детей; и это служит большою похвалою для народа, что и жены и мужи следовали за Христом. Как могли быть остатки? Это тоже не маловажнее первого. Притом остатков вышло столько, что число корзин равнялось числу учеников, – ни больше, ни меньше. Господь отдал куски не народу, а ученикам, потому что народ не столько был совершен, как ученики.

По совершении же чуда, *абие понуди ученики влезти в корабль и предъити Ему на он пол, дондеже отпустит народы* (Мф. 14, 22). Если в Его присутствии могли думать, что произведено нечто мечтательное, а не действительное, то не могли уже так думать в Его отсутствие. Поэтому-то, предоставляя ученикам строго исследовать случившееся, велел им взять с собою памятники и доказательства бывших чудес и удалиться от Него. И в других случаях, совершивши что-нибудь великое, Христос отсылает от Себя народ и учеников, внушая нам чрез это никогда не гоняться за людскою славой и не привлекать к себе толпу. А словом: *понуди* евангелист выражает, что ученики неохотно разлучались с Ним. Христос отослал их под предлогом отпустить народ, а в самом деле – намереваясь взойти на гору. Сделал же это опять для нашего научения, чтобы мы и не всегда старались быть с народом, и не всегда избегали его, а напротив, из того и другого извлекали пользу и попеременно были то в уединении, то в обществе, смотря

по нужде. Научимся же и мы быть с Иисусом, но не для чувственных даров, чтобы не заслужить упрека подобно иудеям. Он говорит: *ищите Мене, не яко видесте знамение, но яко яли есте хлебы, и насытитесь* (Ин. 6, 26). Потому-то Он и не часто творит такое чудо, а только два раза, чтобы научить их не чреву служить, но непрестанно прилепляться к духовным благам. К ним-то и мы будем прилепляться, станем искать хлеба небесного и, приявши его, отложим всякое житейское попечение. Если иудеи, оставив дома, города, сродников и все, пребывали в пустыне и, несмотря на голод, не отходили от Иисуса, то тем более нам, которые приступаем к такой трапезе, должно показать большее любомудрие и возлюбить духовные блага, а потом уже искать чувственных. И иудеи не за то были порицаемы, что искали Его для хлебов, но за то, что главным образом и только из-за этого искали Его. Кто пренебрегает великими дарами, а желает малых и таких, которыми он должен пренебрегать по воле дающего, тот лишается и первых; наоборот, если любим первые, то он прилагает и последние, потому что они служат добавкою к первым. Так они малоценны и маловажны в сравнении с первыми, сколько бы ни казались сами по себе великими. Итак, не будем заботиться о благах чувственных, будем считать и приобретение, и потерю их для себя делом безразличным, подобно Иову, который, и обладая благами, не прилеплялся к ним, и лишась, не искал их. Потому они называются и благами (*χρόματα*), что мы должны употреблять (*χρησόμεθα*) их на нужды, а не потому, что должны зарывать их в землю. Как всякий художник знает свое только художество, так и богатый не умеет ни ковать, ни строить кораблей или домов, ни ткать, ни другого чего-либо подобного; а потому пусть учится употреблять свое богатство как должно, быть милосердным к неимущим, и тогда он будет знать искусство, лучше всех исчисленных.

4. И подлинно, это искусство выше всех других. Для него мастерская устроена на Небесах. Орудия его – не железо и медь, а благодать и добрая воля. Наставник в этом искусстве – Христос и Отец Его. Потому сказано: *будите милосерди, якоже Отец ваш Небесный* (Лк. 6, 36). И что удивительно, это искусство, будучи настолько всех других лучше, не требует ни труда, ни времени для занятия им. Стоит только захотеть, и все сделано. Посмотрим же, каков и конец этого искусства. Итак, что бывает концом его? Небо и небесные блага, неизреченная слава, духовные чертоги, светлые светильники, обитание с Женихом и все то, чего никакое слово, никакой ум не могут представить, так что и в этом оно много отличается от других искусств. Большая часть искусств полезны нам только в настоящей жизни, а это полезно и в будущем веке. Если же оно столько превосходит искусства, необходимые для нас, как, например, врачебное искусство, зодчество и прочие, им подобные, то еще более превосходит те, которые, по тщательном исследовании, нельзя даже назвать и искусствами. Почему я все таковые излишние искусства и не почитаю искусствами. На что, например, нужны нам искусства стряпать и приправлять кушанья? Ни на что. Напротив, они даже бесполезны, крайне вредны, потому что повреждают душу и тело, легко приучая к сластолюбию, которое есть мать всех болезней и страданий. Кроме этих искусств, я не назвал бы также искусствами живопись и умение выводить узоры, потому что они вводят только в лишние издержки; а искусства необходимые, служащие к поддержанию нашей жизни, должны доставлять и готовить нам нужное. Бог на то и дал нам мудрость, чтобы изобретать способы, как поддерживать бытие свое; а изображать животных на стенах или на одеждах, скажи мне, полезно ли к чему-нибудь? Потому-то многое надобно бы выкинуть в ремесле сапожников и ткачей. Они многое ввели для щегольства; что было нужного, то испортили, и к искусству примешали ухищрение. То же случилось и с зодчествами. Доколе оно строит дома, а не театры, занимается необходимым, а не излишним, – я называю его искусством. Точно также и искусство ткать, доколе оно готовит нужное для одежды, а не подражает паутинам, не тратит трудов на произведения смешные и пышные без меры, – называю искусством же. Не отниму этого названия и у сапожного ремесла, доколе оно занимается приготовлением обуви. Но когда оно мужчин преобразует в женщин и посредством обуви дает им вид изнеженных и слабых, тогда, – причисляю его к ремеслам вредным

и излишним и не могу назвать уже искусством. Знаю, что, занимаясь такими предметами, для многих покажусь мелочным; но это не остановит меня.

Причина всех зол именно в том и заключается, что многие считают такие грехи мало-важными, а потому не обращают на них внимания. Иной скажет: какой грех может быть мало-важнее того, что человек носит красивые, светлые и обтягивающие ногу сапоги, если только можно назвать это грехом? Хотите ли, я изощрю на него язык свой и покажу всю его гнусность? Выслушаете ли меня без гнева? Впрочем, если и погневаетесь, мало о том забочусь. Вы ведь виновны в этом безрассудстве, – вы, которые не почитаете этого греха и за грех и тем заставляете нас вооружиться обличением против такой роскоши.

5. Так исследуем и рассмотрим, как велико это зло. Когда ты вышиваешь сапоги свои шелковыми нитями, которыми неприлично испещрять даже одежду, – каких укоризн, какого смеха достойно это? Если же ты пренебрегаешь нашим мнением, то выслушай сказанное Павлом, который со всюю строгостью запрещает это, и тогда почувствуешь, как это смешно. Что же говорит Павел? *Не в плетеньих, ни златом, или бисером, или ризами многоценными* (1 Тим. 2, 9). Стоишь ли ты какого извинения, когда Павел и жене не позволяет носить драгоценные одеяния, а ты допускаешь такую пышность в сапогах и выдумываешь тысячи нарядов, достойных осмеяний и порицания? Для этих нитей строят корабли, набирают гребцов, кормчего и корабельщика, распускают парусы, переплывают море; для них купец, оставив жену, детей и отечество, вверяет жизнь свою волнам, отправляется в страну варваров, подвергается бесчисленным опасностям, а ты, после всего этого, взяв эти нити, нашиваешь себе на сапоги, украшаешь кожу. Что может быть хуже такого бессмыслия?

Не таково было одеяние древних; напротив, оно прилично было мужам. Из этого заключаю, что со временем наши юноши без всякого стыда будут употреблять женскую обувь. И, что всего несноснее, отцы, смотря на это, не негодуют, а считают это ничего не значащим. Хотите ли, скажу нечто и того еще несноснее? То именно, что делается это тогда, как у нас много бедных. Хотите ли, представлю вам Христа, томимого голодом, нагого, преследуемого, связанного? Скольких молний достойны вы, которые не хотите обратить внимания на Христа, не имеющего нужной пищи, и между тем с такою заботливостью украшаете кожи! Христос, когда давал наставления ученикам Своим, не позволил им даже иметь сапог, а мы не только не умеем ходить босыми ногами, но и обуваться как должно. Что же может быть беспорядочнее, смешнее этого? Все это показывает человека изнеженного, грубого, жестокого и суетного. Достанет ли досуга заняться чем-либо нужным тому, кто тратит время на такие излишества? Достанет ли досуга такому юноше позаботиться о душе или даже подумать, что есть у него душа? Тот мелочен, кто принужден удивляться пышной обуви; тот жесток, кто для нее презирает нищих; тот чужд всякой добродетели, кто все свое старание употребляет на такие наряды. С любопытством рассматривая доброту нитей, живость красок, вытканные из них узоры, найдет ли он время воззреть на небо? Есть ли время подивиться красоте небес тому, кто пристрастился к красоте кож и поник в землю? Бог простер небо и возжег солнце для того, чтобы привлечь взор твой горе; а ты принуждаешь себя потупляться в землю, подобно свиньям, и повинешься диаволу. Подлинно, злой этот дух изобрел такие гнусные вещи, чтобы, отвлекши тебя от небесной красоты, привлечь ими к земле. И Богу, указывающему небо, предпочитается диавол, показывающий кожи, или даже и не кожи (потому что и они – произведение Божие), а напыщенность и ухищрение. Поникши к земле, идет юноша, которому надлежало бы мудрствовать о небесном; тщеславится своими сапогами более, чем какою-нибудь важною заслугою; едва ступает по торжищу, сам себе причиняя напрасные печали и огорчения, – боясь, как бы в ненастье не замарать сапоги грязью, а в летнее время не запылить. Что скажешь на это, человек? Такою роскошью ты всю душу свою поверг во прах и, беспечно смотря на то, что она пресмыкается по земле, так много заботишься о сапогах! Подумай, для чего они употребляются, и устыдись того мнения, какое об них имеешь. Сапоги сделаны для того, чтобы попирать

ими грязь, навоз и всякую нечистоту на полу. Если это для тебя несносно, возьми повесь их на шею, или положи на голову.

6. Вы смеетесь, слушая это; а мне приходится плакать, видя безумие таких людей и их заботливость о сапогах. Они скорее согласятся замарать в грязи тело, нежели эти кожи. Такие люди сколько бывают мелочны, столько, с другой стороны, сребролюбивы. Кто привык до безумия заботиться о таких украшениях, тому надобно много тратить на одежду и на все прочее, а потому и большие иметь доходы. Если отец у него щедр, то такой человек более и более предается этому пороку, и дает усиливаться безрассудной прихоти; а если скуп, то принужден прибегать к другим бесчестным средствам, чтобы иметь деньги на такие издержки. Вот отчего многие из молодых людей продали красоту свою, сделались шутами у богатых и унизились до других рабских услуг, чтобы за это приобрести только возможность исполнять такие свои прихоти. Отсюда видно, что такой человек будет сребролюбив и суетен, нерадивее всякого в делах нужных и неминуемо впадет во многие проступки. Неоспоримо также и то, что он должен быть жестокосерд и тщеславен. Жестокосерд, когда, видя бедного, по страсти к нарядам, не удостаивает его и взора, и хотя сапоги украшает золотом, но на нищего, истаевающего от голода, не обращает и внимания. Тщеславен же, когда ничтожными вещами старается уловить внимание зрителей. Не столько ведь, думаю, военачальник гордится победами, сколько распутный юноша нарядностью сапог своих, длинными одеждами, прическою волос, хотя всем тем обязан искусству других. А если тщеславятся чужим, то как не тщеславиться своим? Сказать ли еще и того худшее, или для вас довольно и этого? Итак, окончим наше слово. Да и это говорил я для тех, которые упорны и не находят в таких нарядах ничего неприличного. Знаю, правда, что многие юноши не обратят и внимания на слова мои, потому что упились уже страстью. Однако ж из-за этого не должно молчать. Если у отцов есть ум и они еще в силе, то они могут и поневоле обратиться к должной благопристойности. Итак, не говори: и то не важно, и другое не беда. Это-то именно все и губит. Следует учить их и относительно таких предметов и в самых по видимому малостях делать степенными, великодушными, пренебрегающими нарядами. Таким образом они успевают и в важнейшем. Что маловажнее изучения азбуки? Однако ж, начавшие с нее делаются риторам, софистам, философам. А не знающие азбуки и этих наук никогда не узнают. Все же это говорим не для одних только юношей, но и для жен и девиц. И они ведь подлежат тем же упрекам, и тем более, что девице особенно нужна скромность. Итак, все сказанное юношам приложите и к себе, чтобы нам опять не повторять того же. Но время уже заключить слово наше молитвою. Помолитесь же вместе со мною, чтобы юноши, особенно христианские, могли жить скромно и достигнуть приличной им старости; ведь тем, которые не так живут, не хорошо дожить и до старости. Но кто в молодости живет как старик, тому желаю дожить до глубоких седин, сделаться отцом добрых детей, возвеселить своих родителей, а прежде всего – Бога, его сотворившего; совершенно освободиться не только от недуга щеголять обувью и одеждами, но и от всех душевных болезней. Какова невосделанная земля, такова и юность, оставленная в небрежении: она произрастает много терний. Итак, пустим огонь Духа, попадим злые вождения, обработаем нивы, приготовим их к принятию семян; потщимся, чтобы наши юноши были целомудреннее иных стариков. То и достойно удивления, когда целомудрие блистает в юноше. Кто целомудрен в старости, тот заслуживает небольшую награду; его самый возраст делает уже целомудренным. Чудно то, чтобы среди волнения наслаждаться тишиною, в печи не сгорать, в юности не предаваться распутству. Помышляя об этом, поревнуем блаженному Иосифу, просиявшему всеми этими добродетелями, чтобы удостоиться тех же венцов, которых и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.